

МКУК «ЦБС Прохоровского района»
Межпоселенческая центральная районная библиотека
Краеведческий сектор

*Прохоровский район
в исследованиях краеведа
А.Т. Бобова*

Сборник статей

выпуск 1

2013

ББК 63.3 (2Р -4Бел)

П 84

Ответственный за выпуск Л.П. Ловчакова

Составители: Е.Л. Романенко, О.В. Морозова

П 84 Прохоровский район в исследованиях краеведа А.Г. Бобова : сб. ст. /
МКУК «ЦБС Прохоровского района», краевед. сектор; сост. : Е.Л. Романенко,
О.В. Морозова. – Прохоровка, 2013. – 83 с.

ББК 63.3(2Р -4Бел)

От составителей

Общество может успешно развиваться, если только осваивается наследие предшествующих поколений. В настоящее время изучение отечественной истории, народной культуры, летописи родного края стало необходимым условием сохранения национальной самобытности, традиций и этнографической неповторимости малой родины.

Изучением истории Прохоровского района на протяжении многих лет занимался белгородский краевед Александр Григорьевич Бобов.

В книге «Прохоровский район в исследованиях краеведа А.Г. Бобова (выпуск 1) собраны статьи этого автора, публикуемые в районной газете «Истоки» с 1992 по 2001 год. В сборнике они расположены в прямой хронологии. 2 выпуск этого издания будет охватывать интервал времени с 2002 года по 2009 год.

Александр Григорьевич Бобов – наш земляк. Он родился в с. Кондровка Прохоровского района 26 октября 1954 года. Александр Григорьевич начал изучать вопросы краеведения в середине 80-х годов. История заселения территории Прохоровского района XVII- начала XX веков занимает в его исследованиях значимое место.

Вчитываясь в статьи автора, нередко встречаешь разное толкование одних и тех же исторических фактов. На это А.Г. Бобов пишет следующее: «Любой исследователь, описывая те или иные исторические события, опирается на имеющиеся документы... Другое дело, что не всегда имеющиеся источники позволяют нарисовать полную картину события. Но это решается по мере открытия источников или выявления таковых».

В своих статьях автор нередко ставит перед читателями вопросы, призывает к совместному исследованию, обсуждению исторических фактов.

Создавая этот сборник, мы хотели сделать удобным для читателя знакомство с материалами краеведа, ведь не всегда есть возможность в полном объеме поработать с газетами прошлых лет.

Мы надеемся, что эта книга будет востребована и поможет войти в поток краеведческих знаний всем тем, кто интересуется историей Прохоровской земли.

Из истории прохоровских деревень

Истоки. – 1992. – 2 окт.

Если читатель помнит, мы уже говорили о том, что основную часть сельского населения Прохоровского района на конец 18-го века составляли государственные крестьяне или государственные душевые. (В документах того времени они значились как войсковые обыватели).

Этой категории населения приходилось особенно туго, ведь именно государственные крестьяне кормили двор и государственные службы.

Если помещик понимал, что крестьянина нужно и пожалеть, так как от его благосостояния зависит и благосостояние помещика, то из государственных крестьян тянули жилы кто мог и сколько могли.

Второй категорией крестьянского населения являлись дарственники. Это – бывшие крепостные, которые после отмены крепостного права получили от помещиков дарственные наделы земли.

Третья категория – собственники, т. е. бывшие крепостные, которые после отмены крепостного права выкупили себе земельные наделы.

Четвертая категория – помещичьи крестьяне. Удивительно, что на хуторах Григорьеве и Григорьевке и после 1891 года сохранилась власть помещиков.

Основным занятием населения нашего района на период конца 19-го века было, конечно же, ведение земледельческого хозяйства. Однако немалая часть жителей занималась различными промыслами, часть из которых уже утратили свое существование или же находятся на грани исчезновения: крупорушники, бондари, колесники, печники, веревочники, яичники, извозчики, повозники.

Были промыслы, которые требовали особого профессионального мастерства и освоить их было непросто. Но уж мастерам цену знали. Одним из почетных ремесленников являлся печник. И был он один ни всю волость (согласно архивным документам конца 19 века). Дальше по классификационной количественной таблице шли столяры – 2 человека, пильщики – 2 человека. А замыкали таблицу пастухи – 563 человека. Всего же промыслов насчитывалось двадцать восемь.

*Собрал архивные данные А. Бобов
Обработала и записала Е. Амельченко*

Петровка, Васильевка или...?

Истоки. – 1992. – 14 авг.

Знают ли жители деревень Петровки и Васильевки Петровского сельсовета о том, как назывались их деревни 200 лет назад?

Как известно из документов конца XIX и начала XX века, основную часть сельского населения, теперешнего Прохоровского района составляли государственные крестьяне. Еще большая доля их составляла в середине XVIII века. Но в правление Екатерины II произошли некоторые изменения, касательно и нашей местности. Эти изменения вызвали уменьшение доли государственных крестьян или, как их тогда официально называли, однодворцев и увеличение числа владельческих помещичьих крестьян. Попросту говоря, некоторые деревни попали под власть помещиков. Почему это произошло?

По «Жалованной Грамоте» 1785 года дворяне освобождались от обязательной воинской службы. Это делалось с целью призвать дворян к широкому участию в местном управлении и не только. У Екатерины на этот счет были благие намерения. Но в действительности все происходило иначе.

И на деле многие небольшие деревни разными правдами и неправдами, об этом сохранились некоторые легенды у местных жителей, были закрепощены наперекор воле селян. Одним из элементов закрепощения было изменение прежнего названия поселения. Участь эта постигла и деревню Золотую Долину (Петровка) и Спасское (Васильевка). Их владельцами стали братья Ильинские. И от имени деревни получили второе название. Золотой Долине – Петр Иванович, генерал-майор (чин на 1811 год), в Спасском – Василий Иванович, титулярный советник (чин на 1816 год).

На протяжении почти всего XIX века двойное название, например, Золотая Долина Петровка, сохранилось в документах, но утрачивалось из обихода. С начала XX века и особенно после 1917 года эти деревни именовались только по одному названию: Петровка и Васильевка.

Как образовалась Масловка

Истоки. – 1992. – 23 окт.

ПЕРВЫЕ поселения на территории нынешнего Прохоровского района появились во второй половине XVII века. Они относились к Саженскому стану Белгородского уезда (юго-западного района). Эта местность лежала в стороне от татарских шляхов, поэтому она и заселялась раньше. В то время поселения возникали там, где имелись естественные преграды для движения татарской конницы: это леса, в первую очередь, холмистая местность, реки, особенно с крутым берегом или болотистым. Конечно, небольшие отряды проникали через эти преграды, но их отражали «служилые люди», которыми были населены первые села и деревни.

С 1680-х годов началось более интенсивное заселение, так как к этому времени сооружения Белгородской засечной черты надежно перекрыли Муравский шлях, проходивший на западной стороне района.

Основная масса теперешних населенных пунктов возникла в течение XVIII века. Например, к 1750 году северо-восточной части района за Донецкой Сеймицей было всего два села: Вязовое и Кондровка. Да и левая сторона реки до самого истока Северского Донца была почти безлюдной. По водоразделу между этими реками крымские татары несколько веков ходили на Москву.

В 1747 году вышел указ Правительствующего Сената «О продаже и об отдаче в оброк дикопоросшей земли разного звания людям». Данный указ касался земель Дикого Поля, к которому относилась и наша местность. Он был направлен, в первую очередь, на быстрейшее освоение этого благодатного края. Свободные массивы «поросшей земли и дикого поля» имелись на территории района еще в 1780-х годах. Это были лесные и степные угодья, не включенные еще в хозяйственный оборот. Правда, Екатерина II, вскорости после вступления на престол, задумала произвести здесь генеральное межевание с целью упорядочить государственное управление и изыскать дополнительные средства для пополнения государственной казны. Некоторые помещики, зная об этом, старались приобрести себе дополнительные земли до начала межевания, чтобы по прошествии его надежно закрепить их за собой. В этом ряду был и скороднянский помещик — поручик Степан Петрович Масленников, состоявший заседателем в Корочанском уездном суде. Степан

Петрович завладел землей и в верховьях реки Донецкая Сеймица по обеим ее берегам и в 1782 году основал здесь деревню Масловку. Название было производным от фамилии владельца. У него было пять детей: два сына и три дочери. Свои владения он разделил на пять частей, на всех детей, но луг был у них в общем пользовании. После смерти отца из-за этого луга между ними возникали большие разногласия, переходящие в многолетние судебные тяжбы.

Одна такая тяжба длилась с 1799 по 1808 год между поручиком Кондратом Матвеевичем Алябьевым — зятем и прапорщицею Настасьей Никитичной Масленниковой — снохой с одной стороны и Щигровским помещиком Иваном Ивановичем Оболяниновым — вторым зятем с другой стороны. Алябьев владел в Масловке Бобровой кулигой, впоследствии на этом месте возник хутор Кулиги. Каждое лето Степан Петрович Масленников сдавал луг в аренду орловским и курским купцам под выпас скота. Луг, принадлежавший масловским владельцам в конце XVIII и начале XIX веков, простирался до современного моста через Донецкую Сеймицу по обеим берегам, в районе Раисовка – Кривошеевка. В 1799 году луг арендовали уже у его наследников купцы: курский – Иван Заикин и орловский – Николай Воронкин.

Первые масловские поселенцы принадлежали двум владельцам: одни были за самим Степаном Петровичем, вторые – за Оболяниновой Ульяной Степановной – старшей дочерью. Дети вступали во владение своими частями не все сразу, а по мере взросления. Подданные Масленникова – это переведенные из Скороднянского Евсюковы, Шарковы, Васильевы, Попелеченковы, Езоповы, Черниковы, Саплиновы, Азаровы, Мякишевы, Перепелкины, Жуковы. Подданные Оболяниновой – переведенные из Московской, Тульской и Рязанской губернии Авдеевы, Сидоровы, Сухоревы, Королевы, Кравцовы, Андрюшины. Во всех этих губерниях помещик Оболянинов имел свои владения. Переселенцы Сидоровы были из Тульской губернии Веневского уезда. Позже из Веневского уезда были и другие переселения, в частности, из села Ревякино. В настоящее время это крупная железнодорожная станция на линии Тула – Серпухов. Сейчас в Масловке проживает потомок тех тульских переселенцев, уважаемый в деревне человек, любитель истории и интересный собеседник Иван Филиппович Ревякин.

Из переселенцев до настоящего времени сохранилась лишь фамилия Саплиновы. Все раздоры с лугом начались не сразу после смерти Степана Петровича, а после возвращения с воинской службы его млад-

шего сына вахмистра Федора Степановича Масленникова, который «начал делать обиды» своей невестке, жене старшего брата, умершего ранее. В 1797 году она писала на него жалобу в корочанский уездный суд. Конфликт между деверем и невесткой, длившийся три года, закончился самым невероятным образом – Федор Степанович женился на Настасье Никитичне. Таким семейным драматизмом были наполнены для владельцев Масловки первые тридцать лет ее жизни.

К 1850 году из всех родственников, владевших Масловкой, остался прапорщик. Егор Федорович – внук основателя деревни, владевший к тому времени только частью Масловки и притом незначительной. Другой частью владела надворная советница Марья Семеновна Тинькова. При ней в деревне появились новые фамилии, которые на протяжении полутора столетий составляли костяк Масловки и на сегодня являются старинными. В сороковых годах XIX века на левом берегу речки немец Карла Монрезор основал хутор Карловку. После отмены крепостного права часть земли он отдал своим крестьянам, как дарственные наделы. Другую часть у его наследников уже в конце века купила помещица Щепкина, владевшая ими до революции. По переписи в 1897 года в Карловке было пять дворов. Владения надворной советницы Теньковой в конце шестидесятых годов перешли к другому немцу фон Рутцену.

Вообще механизм частой смены владельцев был очень распространенным в России. Многие помещики имели владения в десятках сел и деревень в различных губерниях. Имена и земельные владения даже после отмены крепостного права продавались, проигрывались, закладывались. Правда, после 1861 года была прекращена продажа людей. Владение Егора Масленникова с крестьянами по смерти его и неимения наследников было отписано в государственную казну. В результате в Масловке в 1880-х годах образовалось четыре разряда крестьян: государственные душевые, дарственники, собственники и владельческие. Во второй половине 1880-х годов Масловку у фон Рутцена купил помещик Якушкин. Об этом человеке в окрестных селах до сих пор сохраняется неплохая молва, хотя многие в воспоминаниях путали самого Якушкина с его приказчиком. Приказчик пережил революцию, Якушкин же умер в 90-х годах. Точную дату его смерти установить пока не удалось, но уже в 1897 году имение пишется за его женой.

Сам Якушкин был агрономом, по периметру всех его полей была посажена в несколько рядов из различных деревьев посадка. Остатки ее сохраняются и поныне. При нем в Масловке начали зарождаться капи-

талистические отношения, а именно: были построены два заводика: кирпичный и крахмальный. Крахмал реализовывался в другие регионы. Кирпич был высочайшего качества.

В настоящее время сохраняется здание школы, построенное тогда. В 90-х годах из кирпича собственного производства в масловском лесу были построены барский дом со всеми хозяйственными постройками и общежитие для рабочих. Здание школы на несколько лет старше усадьбы в лесу. Первоначально это был его дом. В новом имении был посажен, богатейший сад.

После революции барыня уехала. Приказчик просил народ оставить все в сохранности, объясняя, что все это «вам и достанется», но люди рассудили по-своему.

Началась новая жизнь.

«Село Богородское Прохоровка тож»

Истоки. – 1993. – 2 июня.

В нынешнем году исполняется 125 лет с начала строительства Курско–Харьковской железной дороги. В мае 1868 года царем Александром II был подписан указ о строительстве. Концессию от правительства на постройку дороги получил Поляков Самуил Соломонович, известный ж.д. концессионер. В том же году сразу после указа по всей дистанции будущей дороги начались работы. Велись они по тем временам очень интенсивно и уже в следующем 1869 году по Южной магистрали было открыто движение. Станция Прохоровка была в числе первых ж. д. станций, построенных вместе с дорогой.

И вот Прохоровке 125 лет, но откуда произошло ее название, до сих пор для многих остается неизвестным. А вообще-то здесь нет какой-то тайны. Основным правилом при определении названия ж. д. станции было присвоение ей названия ближайшего более или менее крупного населенного пункта. В нашем случае таким населенным пунктом была слобода Прохоровка Обоянского уезда, ныне составная часть села Прелестного. Из официального обращения название это давно вышло, но сохраняется в народном предании. Народное предание, передаваясь от поколения к поколению, что-то утрачивает, что-то добавляет и в результате пелена времени скрывает от настоящего действительный ход событий в прошлом.

Таким образом, был утрачен факт происхождения названия слободы Прохоровки. Для того чтобы разобраться с этим, проследим некоторые события XVII и XVIII веков. В 1654-56 гг. во время русско-польской войны по освобождению русских территорий, отторгнутых поляками в Смутное время, из Польши в Белгород приехал Кирилл Григорьевич Ильинский. С него начинается дворянский род в России, потомки которого были внесены в родословную книгу Курской губернии. Вместе с ним приехал его сын Савва. Описание их жизни не представляет особого интереса, так как она не была связана с нашей местностью. События, связанные с Ильинским, разворачиваются в середине XVIII века и связаны с именем Прохора Ильинского – внука Кирилла. Путем пожалования сверху он приобретает село Богородицкое, жителями которого были выходцы из центральных губерний, так называемые великороссы, поселившиеся здесь в конце 20-х годов XVIII века. Это было время начала именно хозяйственного освоения нашей местности, хотя уже 80 лет перед этим она осваивалась служилыми людьми, но их главная обязанность – охранять русские рубежи.

Ко времени завладения Прохора селом Богородицким из Черниговщины и Полтавщины сюда продолжался процесс переселения малороссиян. Рядом с селом Богородицким они разбивают слободу и становятся подданными помещика Прохора Ильинского. Правда, административное управление малороссиянами осуществлялось до конца XVIII века через выборного атамана, в названии села появились изменения, свойственные тому времени и нашей местности, где слились две половины одного народа. Оно стало называться «село Богородицкое Прохоровка тож». Название села было одноименным с названием церкви – Богородицкой. Церковь деревянная построена первопоселенцами еще до закрепощения села. Число переселившихся малороссиян было в несколько раз больше великороссов. Это имело значение при определении статуса населенного пункта. Постепенно за смешанным населенным пунктом закрепляется общее название – слобода Прохоровка. Термин «слобода» связан с преобладанием малороссийского населения. Во второй половине 1760-х годов выходит, в отставку сын Прохор – Иван, в чине секунд-майора. Иван Прохорович энергично взялся за управление владениями отца, а они были в Обоянском, Тимском, Фатежском, Ливенском уездах. Слобода Прохоровка административно относилась тогда к Белгородскому уезду. В 1778 году отставной секунд-майор был пожалован за прошлую службу новыми землями и крестьянами теперь

уже в Корочанском уезде на правом берегу Гремучего Колодезя включительно. Только самого хутора тогда еще не было, его заселили уже в XIX веке.

В 1772 году в слободе Прохоровке Иван Прохорович построил Успенскую трехпрестольную церковь. На территории нашего района это была самая старая церковь каменной постройки, другие каменные появились лишь в начале XIX века. Судьба этой церкви трагична. Во время жестоких боев прохоровского сражения она была полуразрушена. После освобождения остатки ее разобрали люди на строительство жилья. В 1945 году от нее остался один фундамент.

Но вернемся снова к событиям XVIII века. В конце 1793 года Иван Прохорович закончил свой земной путь. На его похороны приехали четыре его сына, находившиеся в государственной службе: секунд-майоры Сергей и Александр, подпоручик Василий и конвой гвардии подпоручик Петр. По разделу имения отца, состоявшемуся в январе 1794 года, слобода Прохоровка досталась Василию, но из ее состава было образовано в 1795 году новое сельцо Прелестное, которое досталось Александру. В том же году из состава той же Прохоровки была населена слободка Петровка, доставшаяся Петру и от его имени получившая свое название. Владения Ивана Прохоровича на правом берегу реки Донецкой Сеймицы были разделены следующим образом: Кондровка досталась Сергею и Василию. Василию досталась также деревня Васильевка, Петру – Петровка, Сергею – Сергеевка. Деревни Васильевка (Спасское) и Петровка (Золотая Долина) имели к этому времени названия, но получили вторые по именам молодых владельцев. Слободка Сергеевка была населена в 1798 году и получила свое название от владельца Сергея.

По реформе 1797 года связанной с преобразованием наместничеств в губернии, слобода Прохоровка вошла в состав Обоянского уезда. Во время отмены крепостного права она принадлежала Николаю Васильевичу Ильинскому. Кстати, он оставался владельцем слободы Прохоровка, когда строилась станция Прохоровка. Территория нынешнего районного центра и станции административно относились к Корочанскому уезду и входили в состав Шаховской волости, а с 90-х годов XIX века в состав Лесковской.

Одновременно со строительством станции рядом с ней начал отстраиваться хутор, который населялся купцами, мещанами, ж.д. чиновниками. Название для него было выбрано сообразно времени – Алек-

сандровский. Имя царя-реформатора увековечивалось в памяти людей. Вблизи железной дороги купцы Александровского имели склады для ссыпки зерна, которое они закупали в окружающих селах и деревнях. К началу нового XX века в хуторах станции Прохоровка имелось много различных лавок, были предприятия производств по переработке сельхозпродукции, красильный завод. Самым богатым купцом в Александровском был Алексеев Иван Фёдорович, 1850 года рождения. Он имел амбары для ссыпки хлеба, склад дегтя и керосина, птичью кормушку и яичный склад. На противоположной от хутора Александровского стороне железной дороги располагались постоянные дворы.

С отменой крепостного права проводилась программа по переселению крестьян в пригодные для производства сельхозпродукции регионы. В основном регионы располагались вдали от постоянного места проживания, но были и переселения внутри одной волости. В середине 70-х годов XIX века выходцами из сел Шахово были основаны хутор Лутово и Липовка, а выходцами из села Тетеревино – хутор Маслов. Последний несет свое название от фамилии его жителей – Масловых. В конце 70-х годов были населены остальные прохоровские хутора. В отличие от Александровского, в них жили только государственные крестьяне. До построения своей церкви хуторяне состояли в приходе Дмитриевской церкви села Красного, но в 1883 году здесь начала строиться своя деревянная Николаевская церковь. Располагалась она на месте теперешней пожарной части. В конце первого десятилетия (1908-1910 гг.) XX веке в Александровском построили каменную церковь, тоже Николаевскую. Место расположения ее рядом со старой, немного севернее. В 1902 году в Александровском насчитывалось 53 двора в хуторах Ямки – 19, Лутово – 17, Грушках – 34, Кустах – 15 Липовке – 12, Борщеве – 6, Масловке – 25, Дмитриевском – 2. Всего в приходе было 183 двора, 685 человек мужского пола и 651 – женского.

Как крестьянин Кабанков стал помещиком

Истоки. – 1994. – 6 янв.

История эта произошла после первой русской революции в деревне Раисовке, носившей тогда более нежное название «Сельцо Раисса». Царь и правительство, напуганные народным гневом, отменили выкупные платежи, которые крестьяне платили в государственную казну за

землю, предоставленную им по реформе 1861 года. Юридические сельские общества становились собственниками земли. Это была прелюдия столыпинской реформы. Суть самой реформы заключалась в том, чтобы уже в пределах сельской общины сделать собственником каждого крестьянина. В деревне, наряду с крестьянской землей, осталась земля помещичья, которую крестьяне обрабатывали на договорных условиях с помещиком. В 1906 году два раисовских сельских общества из-за своей малочисленности соединились в одно. Образование двух обществ было с тем, что на время отмены крепостного права в Раисовке находилось два владельца. Одной половиной деревни владели дворяне: братья Виктор и Анатолий Ильинские. Другой владела Софья Петровна Таранова. Девичья фамилия ее была Раевская; правда к названию деревни это не имеет отношения. Она доводилась двоюродной сестрой декабристу Раевскому. Прогрессивностью взглядов Софья Петровна не отличалась и оставалась противницей освобождения крестьян с землей.

Ее наследники решили искупить вину перед раисовцами. И то ли из гуманистических помыслов или от предчувствия новой революции, но землю они отдали крестьянам. Конечно, земли той было немного, всего 150 десятин. Замыслы были благородные. Для принятия решения по земле собрали сельский сход. Он проходил в бывшем помещичьем доме, в котором располагалась школа. На сходе была «оглашена дарственная запись», по которой земля передавалась безвозмездно Раисовскому сельскому обществу. Теперь оставалось «закрепить» эту землю за обществом у нотариуса в уезде. Для этого выбрали двух человек: Кабанкова Дмитрия Григорьевича и Кабанкова Николая Дмитриевича. Они были просто однофамильцы. И тут начинается интересный момент: в уездный город Старый Оскол Дмитрий Григорьевич ехал простым крестьянином, а обратно – почти помещиком, собственником 150 десятин земли. Что же произошло?

А произошло то, что игнорируя действительное решение схода в протоколе «приговора схода» собственникам земли объявился один Дмитрий Кабанков. Теперь трудно установить, была ли это заранее спланированная акция или все произошло по ходу дела, но факт, мягко говоря, нарушения закона произошел. Нотариус закрепил это закононарушение.

Раисовские старожилы рассказывали, что первое время Дмитрий прятался от мужиков. Но у него были отец и брат, которые сколотили группу поддержки из некоторых односельчан, пообещав им по не-

сколько десятин земли. Приехавший становой пристав напомнил мужикам о правоте старой поговорки «Что написано пером, не вырубить топором» и поспешил в гости к отцу Дмитрия – Григорию Мартыновичу, так как состоял с ним в дружбе.

Всколыхнувшее деревню событие постепенно затихло на поверхности, но сохранялось в глубине народного сознания. Наш народ реагирует на справедливость с особой болью. Хозяйство отец и два брата Кабанковы вели неплохо. К началу революции у них было две мельницы, молотилка, десятка три коров и примерно столько же лошадей. Своих сельчан в работники не брали, работали у них в основном жители села Кривошеевки.

Жизнь шла своим чередом. Не закончившаяся империалистическая война перешла в революцию и гражданскую войну. В деревню вернулись с фронта некоторые солдаты. Среди вернувшихся был и Лаврентий Татаринцев. Правда, на фронте он не был, а работал в Донбассе на шахтах. Среди односельчан выделялся физической силой и смелостью. Люди помнят о нем. Лаврентий открыто выступил против Кабанковых. Он стал ломать установленный ими «порядок». Например, на речке напротив их подворья никто не мог ловить рыбу. Лаврентий изменил это правило. В результате произошла потасовка, в ходе которой отец и два сына Кабанковы оказались в реке. Времена были безвластные, вернее, самовластные, все-таки шла гражданская война, и Кабанковы затаил на Лаврентия злобу.

Здесь нужно сказать несколько слов о природе гражданской войны. Многим она представляется как боевые действия между «красными и белыми», с лихими атаками конницы и так далее. Но эта война имела и еще одну форму боевых действий, если их так можно назвать, это боевые действия между односельчанами. Такая форма войны была наиболее коварной и жестокой. В этих случаях не рыли окопов и не ходили в атаки, но в них использовалось все, начиная от ложных наговоров и клеветы, и кончая убийствами.

Такое случилось и в Раисовке. В ход пустили старый испытанный метод, организовав сцену кражи имущества на подворье Волковых: взломав сундуки, разбросав содержимое их. Быстро подняли тревогу, пошли по дворам и на дворе Лукерьи Татаринцевой, матери Лаврентия, нашли сверток холста. Организованно поднялись те, кто в свое время за десятину земли помогал утвердиться Кабанковым, ограбившим всю де-

ревню. Били Лаврентия жестоко, но сразу не убили. Мучился еще сутки, потом умер.

А жизнь не остановилась, война продолжалась.

Секретарем комитета бедноты в Раисовке был Семен Алексеевич Матузов. Он потребовал на основании имевшихся распоряжений Советской власти от Дмитрия Кабанкова, чтобы тот выдал зерно для безлошадных. Тот, конечно, не торопился выполнять распоряжение. Власть тогда менялась в течение дня. Утром приходили «красные», вечером – «белые». У Дмитрия Кабанкова сын Захар в младшем офицерском чине служил в белой армии. И как раз подошли «белые». В поле, где работал Сергей Матузов, прискакали двое верховых и потребовали явиться для мобилизации в Кривошеевку. Он уехал. На следующий день дошел слух, что Сергея расстреляли. Иван Павлович Матузов, племянник Сергея, ныне человек преклонного возраста, десятилетним мальчишкой с женщинами на подводе ездил хоронить дядю.

Закончилась гражданская война. В 1920 году многое у Кабанковых отобрали, но наступил НЭП и они кое-что успели наверстать. В 1926 году на основании постановления ВЦИК сельским избирательным комитетом их лишили избирательных прав. Их – это две семьи братьев Кабанковых: Дмитрия и Евдокима. Многих «лишенцев» после восстановления в своих правах, этих не восстановили. Подошла коллективизация. Многих раскулаченных не выслали. Кабанковых в 1930 году «сослали в северные края».

Главным мотивом при определении наказания в виде ссылки было убийство двух односельчан. Вот такова была концовка.

Интересно, какие мысли посещали Дмитрия Григорьевича, когда товарный поезд все дальше и дальше увозил его от родины. Можно предположить, что о чем-то он сожалел. Обделив однажды своих односельчан землей, то есть, по сути, поступив в угоду корыстным интересам, он, будучи в ранге мелкого помещика, каким его определяют документы о раскулаченных, отстаивал уже свое «право», не считаясь с жизнью других людей.

В заключении хотелось бы остановиться на следующем моменте. В днях сегодняшних и времени столыпинской реформы можно найти, если присмотреться, значительные параллели. Психология людей устойчива в этом плане. Поэтому урок истории всегда должен быть поучителен.

Кондровка и ее церкви

Истоки. – 1995. – 5 авг.

Нынче Кондровку чаще называют деревней, нежели селом, и, возможно, такая характеристика более отвечает сегодняшнему ее состоянию. Но в историческом прошлом она с полным правом называлась селом, так как имела к этому духовно-материальную основу.

В течение почти сорока лет ее украшали две церкви: деревянная Богословская и каменная Крестовоздвиженская. Название первой дополняла название самого села и по полному порядку в официальных документах писалось, как «село Кондровка Богословка тож».

В нынешнем году исполняется 220 лет со времени постройки Богословской церкви. Строительство ее связано с именем князей Шаховских. Бархатная книга фиксирует род Шаховских, как один из княжеских родов, ведущих свое начало от легендарного Рюрика. На протяжении русской истории Шаховские находились в разных отношениях с верховной властью. Прошли они и через опальные периоды. Реформы Петра I продвинули их к высоким государственным постам.

К началу правления Екатерины II один из них – действительный статский советник, князь Григорий Иванович Шаховский, был белгородским губернатором. Являлся он и совладельцем Кондровки, одним из двух, причем, главным. В значительной степени он был причастен к ее основанию. И если бы не его опала, то не исключено, что Кондровка могла бы иметь другое название. Григорий Иванович представлял собой, что впрочем свойственно многим людям, даже князьям, личность противоречивую.

С одной стороны – губернатор, незадолго перед этим бывший послом в Стамбуле, а с другой – обыкновенный взяточник. По вступлению на престол Екатерины II выяснилось, что князь «замешан в деле о взятках винокуроварению во вверенной ему губернии. Он был лишен чинов и должностей, но наказание было заменено ссылкой на четыре года в свою деревню с запрещением ездить ко Двору и занимать какие-либо должности».

Столь громкой разоблачение и последовавшее наказание запятнали честь и достоинства князя. Он испытал тяжелые душевные переживания. После окончания ссылки Григорий Иванович еще несколько лет вел дела. Но пережитое не прошло бесследно и все сильнее напоминало о себе нездоровьем.

При разоблачении незаконной деятельности губернатора не все было вскрыто. Оставалась некая тайна, которую сохранила кондровская земля и упорно хранит ее до наших дней. Нежелание князя в раскрытии этой тайны и в то же время душевная боль от ее сохранения, привели его к решению о строительстве церкви. Церковь закладывалась в честь Святого Григория Богослова, имя которого носил князь. Этим он призывал Святого молиться за него Богу о прощении грехов. Только построенной церкви Григорий Иванович не увидел. Он умер в 1774 году, а строительство завершили его сыновья: молодые князья полковник Борис и майор Николай.

Строили церковь из местного леса. В то время вокруг Кондровки было несколько дубовых рощ, что, в общем-то, и помогало построить ее в более сжатые сроки.

Из сегодняшних кондровских старожилов той церкви никто не помнит, потому что ее еще в 1876 году разобрали и продали в деревню Домановку, где она была построена и получила название Покровской. На месте алтаря разобранной церкви поставили «кампычку» – крест с иконой Григория Богослова – своего рода памятник святому месту. В некоторые праздники около нее проводились молебны. Она сохранялась до начала 20-х годов, после чего была уничтожена.

Во время столыпинской реформы, когда производилось переселение крестьян из центральных губерний в Сибирь, из Кондровки в 1911 году тоже уезжали несколько семей в Томскую губернию. В знак благословения на дальнюю дорогу последний кондровский помещик дворянин Иоасаф Иванович Алисов подарил иконостас Богословской церкви старшему переселенческой группы – Божену Егору Филипповичу.

В 1832 году помещик артиллерии подпоручик Петр Яковлевич Коробков начал строить новую каменную Крестовоздвиженскую церковь. В 1838 году она была освящена. Новая церковь располагалась на более высотном месте села, и, как вспоминают старики, в ясную погоду с ее колокольни просматривалась Прохоровка.

К приходу кондровской церкви относились деревни Петровка и Васильевка. Состояли они в приходе с самого ее основания, то есть, относились еще к Богословской церкви.

Крестовоздвиженская церковь Кондровки своим архитектурным стилем выделялась среди церквей соседних сел. По такому же плану, только 45 лет спустя, была построена церковь в селе Коробкове, ныне

это территории города Губкина. К сожалению, она тоже была разрушена.

Длительное время, более 20 лет, с 1867 года старостой в новой церкви состоял васильевский помещик надворный советник Василий Петрович Суковкин. На его средства была построена каменная ограда вокруг церкви и покрыта железом. Также была сделана новая иконостасная резьба и куплен для церкви семисвечник. За эти добрые дела староста удостоился благословения Святейшего Синода.

С 1907 года и до самой революции старостой состоял кондровский помещик Иоасаф Иванович Алисов. Он пожертвовал для церкви икону Спасителя стоимостью в 250 рублей, икону Святителя Иоасафа епископа Белгородского, стоимостью в 100 рублей, а также выделил 200 рублей на строительство церковного дома. В 1912 году ему была установлена грамота за пожертвование.

Тяжкая участь, как и многие другие церкви, постигла и кондровскую церковь. В 1932 году ее начали разрушать. Основная масса народа была против этого варварства, но достаточным оказалось всего лишь подписи председателя сельсовета.

Из разрушенной церкви в те годы было построено здание Скороднянского райисполкома. Остатки разобрали люди...

Уже более полувека на месте разрушенной церкви раскинулось поле. В этом году ветер гонит здесь кукурузные волны. А когда то над этим местом разливался колокольный звон, нарушавший покой спящих под мраморными плитами участников великих и малых событий русской истории.

Память Дикого поля

Истоки. – 1995. – 11 нояб.

Дикое поле, а сначала просто Поле – условное обозначение пространства, охватывавшего степную и частично лесостепную зоны междуречья Днепра и Дона. В нем в разное время обитали разные, в основном кочевые народы. Во времена Киевской Руси часть его входила в состав древнерусского государства. Северные окраины Поля достигали и территории Прозоровского района.

Монгольское нашествие разметало население нашего края. Основная масса или погибла, или ушла на север в леса. Осталась лишь небольшая часть. Это общеизвестно еще со школьного курса истории.

Более об оставшемся незначительном контингенте местных жителей не говорит ничего не только школьный курс, но молчит и историческая наука. А впрочем, если народ на протяжении столетий, даже при монголах, стабильно проживал здесь, то он в принципе мог сохранить в топонимических названиях следы глубокой древности, И вот такой след, правда, трансформированный уже во времени, прослеживается на прохоровской земле и в наши дни.

Более 30 лет назад, в детстве, мне приходилось слышать от кондровских стариков выражение: «Поехали на Широканку» или «Там около Широканки» и т. п. Потом это название полузабылось и вспомнилось недавно, после ознакомления с некоторыми фактами древней истории нашей местности. Широканка – дорога, проходившая от села Чуево Губкинского района к Раисовке и далее к Кривошеевке с выходом на нынешнюю трассу Прохоровка – Скородное, пересекая ее, шла на село Ломово Корочанского района. Разумеется, дорога имела свое начало и конец, у нас было только ее промежуточное звено. На всем своем протяжении она была отмечена дорожными знаками того времени – курганами, к сожалению, разрушенными или полуразрушенными уже деятельностью людей.

Первой мыслью, которая приходит в голову по отношению к названию, почти забытому, является то, что происхождение его связано с шириной дороги. Если Широканка, значит, широкая. Кстати, точно такой же смысл вкладывали в него и жители Кореньской волости бывшего Корочанского уезда, когда в пореформенный период XIX века рядом с дорогой основали хутор Широкий, получивший свое название от названия дороги. Можно со значительной долей уверенности сказать, что с XVI века после начала освоения Дикого поля. Русским государством, после прихода сюда большого количества новых людей, стал закрепляться именно этот смысл, т.е. однозначное ассоциирование названия дороги с ее шириной.

Конечно, дороги прошлых веков никоим образом нельзя сравнивать с современными дорогами, даже с большими автомагистралями. То были естественные пути, шириной по несколько сот метров, не построенные руками человека совпадающие исключительно с водоразделами больших и малых рек. По такому же правилу должно быть проложена и Широканка.

И все-таки немного странно дело обстоит. Ведь в старину много дорог было широких, только не называли же их все широканками.

Только по всей вероятности в более глубокой древности дорога имела иное название, но постепенно, утрачивая первоначальный смысл, со временем, по законам лингвистики получила похожее, только другое название. Некоторый свет на данный вопрос проливает великорусское произношение этого слова в отличие от малорусского (украинского). Например, некоторые пожилые люди близ лежащих хуторов Храпачевки и Кривых Балок (Королевки) называли хутор Широкий – «Шарокий». Здесь уже ширь превращается в шар. Жители среднего участка дороги, деревни Богдановка, села Домановки и хутора Горелинка так и называли ее «Шаром».

Михаил Яковлевич Стрельников, уроженец этих мест, вспоминая довоенное время, говорил, что когда спрашивали: «Куда погнали коров?», отвечали: «На Шар». Таким образом, топоним «шар» является веским аргументом к окончательной расшифровке первоначального названия дороги. Но для этого необходимо обратиться к некоторым событиям древней русской истории XI века.

После смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) на Русь попали половцы.

Они отторгли часть территории (Поле) из состава Переяславского и Черниговского княжеств. Белгородская земля стала в определенном смысле ареной контакта русичей и половцев. Пришедшую степную орду возглавлял хан Шарук (Шарукан).

Сорок лет продержался он на исторической сцене в качестве вождя крупного кочевого объединения. За свою долгую жизнь был в разных отношениях с русскими князьями, но в их междоусобных разборках всегда держался стороны черниговских князей. Началом дружеских симпатий послужило «знакомство» с одним из них, Святославом Ярославичем, произошедшее в 1068 году под Сновском, недалеко от Чернигова, где хан был пленен князем. После плена они стали сватами. Святослав женил своего сына Романа Красного (Красивого), который упоминается в «Слове о полку Игореве» на дочери Шарукана.

Войдя в пределы Руси, Шарукан основал в верховьях Донца свою ставку, располагавшуюся, по мнению ряда историков, в одном из древнерусских городков. С того времени городок стал называться Шарукан или Шарукань, по имени хана. Городок-ставка находился около водораздельной дороги, которая со временем получила одноименное название, только в женском роде – Шаруканка. Через века она стала Широканкой. Изменением двух гласных и получился совершенно другой смысл, но связь времен налицо и какая – 900-летняя.

Позднее, при набегах крымских татар, Широканка числилась одной из трех ветвей знаменитого Муравского шляха. Около нее при НЭПе выходцами из села Чуево была поселена деревня Муравка. Но это уже отголосок более поздних времен. Хотя с набегами крымчаков стал усваиваться и термин Муравка, подтверждением тому служит название деревни.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Если все-таки Широканка получила свое название не от ширины дороги, а от имени Шарукана и одноименного городка, к которому или от которого вела, то значит, что на Белгородчине и, в частности на прохоровской земле, еще при монгольском иге жили люди. Потому и сохранили память домонгольского периода. В противном случае, при более чем трех с половиной вековом отсутствии здесь народонаселения, как бы эта память могла сохраниться?

Ну, а если люди жили, тогда где конкретно? На это могут ответить только результаты археологических исследований. Путь нее археологам должны указать местные знатоки истории, особенно из сел, лежащих по маршруту древней дороги.

Была ли в Прохоровке каменная церковь?

Истоки. – 1999. – 16 янв.

Существует легенда, что в Прохоровке была каменная церковь, построенная якобы, в начале нынешнего века. Я когда впервые об этом услышал, нисколько не усомнился. Если уж каменные церкви были во многих селах, то почему ее не могло быть в поселке при железной дороге, где проживало значительное количество людей самой Российской империи? Но каменной церкви в Прохоровке (п. Александровский) все же не было.

Возникает вопрос: как тогда могла появиться эта легенда, если в Прохоровке были люди, которые хорошо знали и помнили, что церковь была одна и притом деревянная, а не каменная? Да и время не слишком древнее – начало XX века. Причина этому видится в особой судьбе Прохоровки.

Разрушенная войной, она заново возрождалась в основном новым, пришедшим из окрестных сел и деревень населением. И после разрассталась за счёт приезжающего народа, поэтому и неудивительно, что

прошлое, особенно довоенное, забывалось быстрее. Восставший из пепла посёлок новой датой своего рождения считал 1943 год. Когда почти через полвека стали вспоминать о более ранней истории, то, соответственно, или кое-что забыли или, наоборот, добавили. Хотя добавление оказалось символичным. В Прохоровке был воздвигнут величественный храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла.

После великой битвы и освобождения посёлка люди увидели на месте бывших церковных сооружений одни фундаменты, и поэтому те, кто не видел церкви до войны, через десятки лет, вспоминая, утверждали, что церковь была каменная.

Я лично, да и другие краеведы, опираясь на эти устные утверждения и на данные, взятые из «Справочной книги о церквях, приходах и притчах Курской епархии» на 1908 год, в которой упоминалась только деревянная Николаевская церковь, считали, что каменную построили после 1908 года. В таком убеждении я находился до тех пор, пока не нашёл в архиве «Клировую ведомость Николаевской церкви села Александровское» за 1916 год, а в ней описывалась всё та же Николаевская деревянная церковь. И ни слова о каменной Николаевской. Понимая, что после 1916 года церкви уже ее строились, стало ясно, что существующая легенда о «каменной красавице» не соответствовала реальной действительности.

Чтобы поставить на этом вопросе точку, надо было найти живого очевидца событий. Ещё в 1995 году нашёлся такой человек, который подтвердил мои предположения, и для меня все стало на свои места. Коренная жительница поселка Матрена Денисовна Чурсина, 1907 года рождения, рассказала самое главное, что меня интересовало: церковь все же была одна и деревянная, а каменной просто-напросто не было.

Церковь перестала функционировать в 30-х годах, когда с неё сняли кресты. Разрушили ее во время войны. Матрена Денисовна четко указала ее бывшее месторасположение: сегодня там находится железнодорожный магазин. О месторасположении старой деревянной церкви также внесена ясность. Это было здание приходской школы, на месте которой сегодня дислоцируется пожарная часть.

Возвращаясь к «Клировой ведомости» и описанной в ней церкви, обращает внимание на себя такой факт. Церковь, хотя и была деревянная, но вся обитая железом. Подобных аналогичных примеров в нашей местности не имелось. Может быть, этим объясняется, что прохоровские купцы не построили каменную церковь.

В «Справочной книге о церквях...» за 1906 год указывается, что церковь была однопрестольная, а в 1916 она уже стала трехпрестольной. По всей видимости, после 1908 года и, наверное, до начала империалистической войны была произведена, если так можно сказать, реконструкция храма, в результате которой пристроили приделы для открытия новых престолов и, вероятно, тогда же ее обили железом. Наименование новых престолов образовалось от женщин святых. Они как бы стали по обе стороны от Святителя Николая, Мирликийского чудотворца. Правый – во имя Святой равноапостольной княгини Ольги, а левый – во имя Святой мученицы Раисы. В глазах жителей поселка это событие могло быть приравнено почти, что к открытию новой церкви. Открытию новых престолов могло способствовать то обстоятельство, как увеличение количества населения посёлка и близлежащих хуторов, а оно за первое десятилетие XX века увеличилось более чем в полтора раза.

А, может быть, открытие престолов целиком связано с прохоровским купцом Е.П. Небытовым. Об этом было написано в статье Н. Овчаровой, опубликованной в газете «Истоки» 22 января 1997 года. Вызывает только сомнение, почему об этом молчат «Клировые ведомости», а ведь в них отмечали все пожертвования, тем более такие, как Небытов. Ведь получается, что на его пожертвования были построены оба придела.

Периодическое описание церквей в 1916 году оказалось последним, поэтому необходимо указать другие результаты этого описания. В частности, при церкви находилась приходская школа, в которой в 1916 году обучалось 40 мальчиков и 23 девочки.

Далее в «Ведомостях» идёт описание притча или штата священнослужителей с их семьями. Для краткости укажу только служителей.

Это – Иван Иванович Плетнев, 27 лет от роду, и.о. псаломщика Василий Федорович Кривцов, 35 лет, староста Федор Никитич Мурызин, 71 года. Староста был знаменитой личностью в посёлке. Отставной фельдфебель, мещанин, он занимался торговлей зерном, имел небольшой склад. Правда, пожертвований в церковь не делал, но награждён грамотой «За дела Божии» в церкви.

В следующем пункте описывается состав прихода, в который, кроме самого поселка Александровского, входили и хутора: Маслов, Грушки, Кусты, Липовка, Лутово, Ямки, Борщев и Дмитриевский. Всего в приходе было 287 дворов. Самостоятельным причтом церковь ста-

ла в 1891 году, до этого она была приписана в Дмитриевской церкви села Красного.

В заключение хотелось бы сказать следующее: в любом случае в Прохоровке сегодня восстановлена духовная преемственность в результате сооружения малого Николаевского храма.

О хуторе Разбойном

Истоки. – 1999. – 10 февр.

А путь бежит... не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах
В глухую ночь в яругах волки выли?
И. Бунин

Яруги и шляхи характерные признаки нашей местности – оказались тесно переплетенными и с нашей историей. Яруги служили местом обитания не только волков, но и пристанищем для людей. Из заросших лесов яруг производились наблюдения за шляхами. Во времена татарских набегов их использовали русские пограничные сторожи для предупреждения внезапных набегов. После усмирения Крыма своеобразные складки местности стали привлекать разбойничьи шайки.

Из истории известно, что разбойничество в Великороссии достигло своего расцвета во второй половине XVII века. Наибольший размах оно приобрело, наряду с Поволжьем, и в Московской Украине. Так назывались пограничные с Полем земли русские, а к ним принадлежала и наша местность.

С течением времени формы разбоя менялись, а с усилением государственной власти он стал затихать. Но за отдельными местами, где располагались разбойничьи базары или где наиболее часто совершались нападения, в народе надолго, а иногда и до наших дней, закрепилось название Разбойных. Сохраняла народная молва вплоть до XIX века такое название и за яругой, расположенной в самом верховье Сажного Донца.

Без малого почти за четверть века до отмены крепостного права царем и правительством предпринимались реформы для государственных крестьян. Это была своего рода репетиция реформы 1861 года. Целью

их ставилось сделать более эффективной хозяйственную жизнь этого сословия крестьян. Одной из задач было расселение густонаселенных сел и деревень. Осуществлялось переселение в другие губернии, в частности из Корочанского уезда переселяли в так называемые «многоземельные», но малолюдные губернии: Кавказскую и Оренбургскую. Образовывались новые хутора также вблизи уже существующих населенных пунктов.

Построился такой хутор в начале сороковых годов XIX века и у Разбойной яруги в трех верстах от деревни Правороть. Косвенно помог его возникновению такой фактор, как в деревне в 841–42 годах пожары. На старом месте строиться не помогали и не разрешали, а предлагали переселиться на новое место. Первыми поселенцами Разбойного стали Рязановы (Резановы) и Чурсины. Поначалу жители хутора состояли в приходе Дмитриевской церкви села Новоселовки. После построения церкви в селе Красное, были причислены к ней. До строительства железной дороги хуторяне занимались земледелием. После, когда появился иной источник, заработка, некоторые оставили крестьянство и стали заниматься наемным трудом у купечества. В конце семидесятых годов у таких крестьян начала скупать землю дворянка Надежда Ивановна Лунева.

Как известно, некоторое время старое и грозное название хутора распространялось и на строящийся поселок при станции, но уж больно резало оно слух, поэтому от него решили избавиться. Имей та яруга другое название, как, скажем, расположенная несколько западнее Сторожевая, то не пришлось бы менять и название поселка. После его переименования в Александровский, старый хутор Разбойный также утратил свое прежнее название. Административным порядком он был введен в состав хутора Грушки.

Так прекратил свое существование, теперь уже исторический, хутор Разбойный, пробывший в списках населенных мест Корочанского уезда чуть более полувека и на четверть века увеличивающий возраст Прохоровки.

Дворянская история села

Истоки. – 1999. – 28 июля.

Кондровке в этом году исполняется 235 лет. И эта солидная дата заставляет меня рассказать то, что я знаю об этом селе.

1764 год – год основания Кондровки.

Начну с того, что в 1960 году, когда рыли погреб для кондровского магазина, был обнаружен подземный ход. Он выложен кирпичом в форме арки, а передвигаться в нем можно только на четвереньках. Рабочие, что копали погреб, пробовали проникнуть в глубь подземного хода, но быстро возвращались. Страшновато было. Протяженность хода неизвестна. Кто делал его и для чего – тоже остается загадкой. Каких-то правдоподобных версий его происхождения не имеется, так как старожилы ничего о нем просто не знали. Предположения, конечно, были. Многие считают, что он связан с Разбойным Яром, пролегающим по окраине села и отстоящим от центра километра на полтора.

Разбойный Яр – особая страница кондровской истории – являлся базой для разбойной шайки, совершавшей отсюда набеги на ближайшие шляхи. База была долговременной. Там имелась огромная землянка-конюшня, в которую по преданию свободно въезжала тройка лошадей.

И это не вымысел. Если посмотреть рельеф местности в виде земляных террас высотой до нескольких метров, то сомнения отпадают.

Но версия о том, что ход делали разбойники, мне лично кажется маловероятной, хотя, конечно, всякое могло быть. Я предлагаю жителям другую версию, основанную на материалах книги «Дворянские роды Российской империи». В ней говорится, что по вступлении на престол Екатерины II обнаружилось, что князь Григорий Иванович Шаховской, бывший в то время белгородским губернатором, замешан в деле о взятках по винокуроварению во вверенной ему губернии...

Забегая вперед, скажу, что князь являлся владельцем кондровской земли и фактически основателем Кондровки.

Другим аргументом в пользу данной версии можно считать факт наличия на полу подземного хода разбросанных осколков битой глиняной посуды, о которых рассказывали рывшие погреб рабочие. Таким образом, суть версии заключается в следующем: подземный ход был

построен для обслуживания находящейся здесь винокурни и служил средством защиты от внезапного появления «надзирающих людей».

Запрещенный государством промысел винокуроварения имел в те годы распространение в нашей местности, вероятно из-за её малонаселенности.

Но самой Кондровки тогда еще не было. Это была ее предыстория, хотя и тесно связанная с основанием села.

А будущий основатель ее, действительный статский советник, кавалер ордена Святой Анны, князь Г. И. Шаховский, в августе 1761 года вступил в должность белгородского губернатора. Вскоре он познакомился с отставным прапорщиком Никитой Ивановичем Кондыревым, служившим при губернской однодворческой канцелярии. Губернатору чем-то понравился этот человек. Поэтому в 1762 году, когда в однодворческой округе Орла, Волхова и Белева (они тогда входили в Белгородскую губернию) освободилась должность однодворческого управителя, Шаховской посылает туда Кондырева.

Однако на нового управителя вскоре посыпались жалобы. А когда из-под ареста был освобожден прежний управитель Глазов, Кондырева от должности отстранили. Но оставили в округе и поручили провести рекрутский набор среди однодворцев, завершить который пришлось, увы, другим людям.

Несмотря на все это, князь щадил прапорщика. Почему? Вполне вероятно, что Кондырев с его помощью организовал тогда винокурню и построил ход. Кирпич, из которого он был сделан, ко времени строительства погреба при магазине пробыл в земле ровно двести лет, но оставался по-прежнему крепким. Значит, изготовлен он был на заводе, а не кустарным способом, ведь кирпич-сырец давно бы разрушился.

31 декабря 1763 года вышел Указ императрицы «Об исследовании белгородских губернаторов Салтыкова и Шаховского со товарищи о лихоимстве». Недолго пробыл Григорий Иванович губернатором. Его на четыре года сослали в имение. Но в кондровских пределах он имел 800 гектаров дикопоросшей земли, что составляло примерно 350 десятин.

В 1764 году Корочанская воеводческая канцелярия (в XVIII веке правобережье Донецкой Сеймицы относилось к Корочанскому уезду) потребовала оплаты оброчных денег за ту землю с Никиты Кондырева. Тот описал, что землей оной не пользуется и просит, чтобы оплату брали с князя Шаховского.

А тот, находясь в ссылке, предлагает Кондыреву на месте бывшей винокурни основать деревеньку. Кондырев согласился и сразу поселил там 6 душ крестьян. Это и стало началом Кондровки.

После ссылки (в 1768 году) князь поселил там 128 душ черкас (выходцев из Подднепровья). С этого времени Кондровки стала именоваться слободой.

В 1771 году Шаховский переводит туда из своей вотчины еще 30 душ крестьян. И тогда в Кондровке появилась такая особенность: нижний план дворов составляли белостенные мазаные хаты, а верхний – черные бревенчатые избы. И так было до начала XX века.

Во время ссылки князь о многом передумал, многому дал иную оценку и решил во иступление своих грехов построить в Кондровке церковь. Заканчивали ее строительство уже сыновья князя – Борис и Николай. Церковь, построенную в честь Григория Богослова, чье имя носил князь, назвали Богословской. Была она деревянной. Через 100 лет, когда в Кондровке была уже каменная церковь, прежнюю продали в деревню Домановку.

С тех пор Кондровка стала именоваться двойным названием: «Кондыревка Богословка тож».

Трансформация Кондыревки в Кондровку произошла по воле писарей следующим образом: Кондыревка – Кондоревка – Кондоровка – Кондровка. Процесс продолжался более 100 лет, и только к концу XIX века в документах закрепилось нынешнее название.

В 1778 году владельцем Кондровки становится секунд-майор Иван Прохорович Ильинский. Согласно ревизии 1782 года ему Кондровка не продана, а досталась по службе от сыновей Григория Ивановича — полковника Бориса и секунд-майора Николая.

В России с давних пор существовал такой обычай: в знак особой благодарности, за дела общественные или государственные дарить или награждать кого-то частью собственного имущества. Конечно, позволить себе подобное могли лишь люди богатые.

С новым владельцем Кондровки – Ильинским – многое связано в Прохоровском районе. Отец Ивана Прохоровича, Прохор Петрович, состоял «однодворцем полковой сотенной службы поместной». Его именем было названо село Прохоровка, от которого затем произошло название железнодорожной станции и поселка.

Многие служилые люди, которые стали дворянами в петровскую эпоху и после, чтобы быть записанными в губернские родословные

книги, всеми правдами и неправдами стремились возвеличить свои родословные корни, стараясь почему-то выводить их из зарубежья, в основном из Польши и Литвы.

Иван Прохорович составил родословную легенду, согласно которой предки его были выходцами из Польши. На самом же деле отец его был однодворцем, а в этом сословии не было иностранцев.

Устные кондровские легенды выводят Ильинских из донских казаков.

Иван Прохорович значительно расширил владения отца.

После генерального межевания, происходившего в конце 1770-х годов, за ним закрепился правый берег Донецкой Сеймицы протяженностью около 20 километров, включая Кондровку. Сыновья Ивана Прохоровича после его смерти поселили на этих землях новые деревни.

Старая часть Кондровки до середины нынешнего века называлась Ивановкой, сохранял в памяти народной имя Ивана Прохоровича.

После войны 1812 года в Кондровке и в других владениях Ильинских произошло перемещение подданных людей. Кондровку заселили переселенцами, в основном из Прохоровки. К тому времени самого Ивана Прохоровича уже не было в живых, сыновья находились на государственной службе, а все дела вела их мать Евдокия, которая пережила мужа на 37 лет. Со временем ее личность послужила прообразом легенды о барыне Кондаурихе.

Когда я начинал изучать историю Кондровки, интересовался у старожилов о происхождении названия села. Они связывали его с Кондаурихой. Говорили, что похоронена она была около церкви. Однако после прочтения метрических книг выяснил, что около церкви похоронена Мария Петровна Кондраурова, вдова штабс-капитана, умершая в 1891 году в возрасте 60 лет. Понятное дело, что к основанию села она не могла иметь никакого отношения. Она была правнучкой Евдокии. Сама же Евдокия Ильинская умерла в 1830 году в возрасте 90 лет. Похоронена она на общем кладбище, так как каменную церковь тогда еще не построили, а у деревянной захоронений не было.

Таким образом фамилию правнучки приписали к делам прабабушки и сформировали образ, которого в действительности не было.

От сына Евдокии, Василия Ивановича Ильинского, титулярного советника, Кондровка переходит к его дочери Варваре, которая в середине 20-х годов XIX века выходит замуж за дворянина Петра Яковлевича Коробкова, поручика артиллерии.

Родовое имение Коробковых располагалось в селе Коробково. Сегодня это территория Губкинского района.

Петр Яковлевич построил в Кондровке каменную Крестовоздвиженскую церковь.

Народная память сохранила такую деталь о начале ее строительства. Когда прибыл первый обоз с кирпичом, Петр Коробков решил попробовать его на прочность и переломил несколько кирпичей. После этого обоз с некачественным кирпичом отправили обратно.

В дальнейшем наследовании Кондровка переходит к дочери Варвары Васильевны и Петра Яковлевича – Варваре. Последняя вышла замуж за дворянина Алисова. Их сын Иосаф Иванович Алисов, стал последним кондровским помещиком. Но в 1917 году из поместья уехал и дальнейшая судьба его осталась неизвестной.

Вот какова вкратце дворянская история Кондровки.

Возвращение к «слову»

Истоки. – 1999. – 27 окт.

«О Русская земля! уже за шеломянем еси!
О Русская земля! уже ты за холмом!»

Уже каких-то полсотни дней осталось до того, как мы вступим в новое тысячелетие. Что нас там ждет? Вряд ли кто-то в силах ответить на этот вопрос. Будущее тем и привлекательней прошлого, что таит в себе неизвестность, тайну. Однако забывать прошлое мы не вправе. Оно тесно связано с настоящим, а потому не подлежит забвению. Связь времен...

Все мы изучали, да и сегодняшние школьники продолжают изучать знаменитое «Слово о полку Игореве». И наверняка никто из нас не задумывался и не знал о том, что рассказанное в «Слове» имеет отношение к нашему краю, прохоровской земле. А это так. И узнаем мы об этом лишь спустя много времени.

Сегодня вашему вниманию предлагаются изыскания об этом краеведа, уже известного нашим читателям, Александра Бобова.

Известная «строка из знаменитого «Слова о полку Игореве», и смысл современного её звучания не вызывает вопросов, древнерусские

князя и воины, вступив на край поля половецкого и оглянувшись назад, с грустью в сердце произносили эти слова.

Но в XII веке смысловое значение их было несколько иным. Оказывается, до XIII века на Руси не знали слова курган. Оно перекочевало к нам из тюркского языка и обозначает холм, но насыпанный руками человеческими.

Если в известной строке холм заменить на курган, то получится: «О Русская земля! уже ты за курганом!». А за курганом – не просто за холмом. Курган – это символ языческой Руси, это святилище, это могила предков. Да! Ко времени похода Игоря Святославича на половцев на Руси уже двести лет официально исповедовалось христианство, но язычество в XII веке еще крепко.

Строка о русской земле, оставшейся за холмом-курганом, повторяется в «Слове» всего два раза и не более. Возникает вопрос: восклицание автора о русской земле – это просто поэтический прием или впечатление от прохождения последних двух или наиболее известных двух курганов на русском пограничье?

По схеме похода князя Игоря на половцев (гипотеза московского археолога С. Л. Плетневой) встреча князей-братьев Игоря и Всеволода состоялась в Холках (Чернянский район). Согласно этой схеме, Игорь с дружиной прошел от Думного кургана с запада на восток по всей территории Прохоровского района. Всеволод же со своей дружиной в пределы района не заходил. По версии белгородского краеведа-археолога Л. Д. Жучкова, встреча их состоялась в верховьях рек Ворсклы и Липового Донца, в районе современного села Лучки.

На время опубликования обеих схем похода не было известно о существовании древнерусского городища на реке Корень, в пределах современного села Крапивное Шебекинского района. Открытие этого городища может внести некоторые коррективы в схемы движения русских князей на половцев.

Дело в том, что Крапивенское городище находится на древней дороге Шаруканке. Исходя из этого, Игорь и Всеволод могли встретиться на пересечении Шаруканки и перемычки от Муравского шляха к Изюмской сакме (конный след), то есть где-то в периметре современных населенных пунктов: Широкого, Кривых Балок, Богдановки, Боброво.

Вполне вероятно, что дальнейшее движение русских дружин происходило по Шаруканке от вышеназванной местности в сторону современного села Ломово Корочанского района и далее. Тогда какие же два

кургана, возможно на Прохоровской земле находящихся, вызвали у автора поэтическую ностальгию о русской земле, оставшейся за холмом?
р. с. Автор заканчивает свои рассуждения вопросом, предоставляя самим читателям попытаться доискаться ответа на него. Хотя, думается, интересно и мнение самого А. Бобова на этот счет. Поэтому мы в будущем его опубликуем.

Тайна кургана

Истоки. – 2000. – 1 янв.

Давно хотел я увидеть Думный курган, но все как-то не получалось. Да и не знал точно, где он находится, считая, что в районе хутора Думный. Почему-то он представлялся мне массивным сооружением, возможно, из-за его оригинального названия, от которого веяло глубокой стариной.

И вот передо мной карта XVIII века, на которой я нахожу Думочный курган. Надо сказать, что Думочный (Думчий) более древнее название, на смену которому пришло название Думный.

Переношу координаты кургана со старой карты на современную и определяю его месторасположение. Выходит, что курган находится не около хутора Думный, а в километре с небольшим севернее хутора Липовка и немногим более полукилометра западнее железнодорожного полотна.

Теперь его предстояло разыскать на местности. Но это оказалось трудным делом, так как видимых знаков, указывающих на рукотворность сооружения в данном месте, не имелось. Пришлось обратиться за помощью к старожилам хутора. Они подтвердили, что на этом поле когда-то действительно был курган, от которого сейчас осталась лишь небольшая возвышенность.

Вернувшись на поле, я нашел эту возвышенность, которая из-за распаханности более походила на естественное возвышение, чем на искусственную насыпь. Липовские же старожилы помнят курган еще нетронутый плугом, хотя и тогда уже было на нем много разрытых ямок, оставленных искателями сокровищ, якобы зарытых в кургане. Мне хуторяне поведали легенду о золотом шлеме, закопанном в кургане. Его-то, по всей видимости, и искали азартные люди. Надо полагать, что по-

добные раскопки велись на кургане с давних пор, в результате чего от него мало что осталось.

По мнению известного исследователя Ю. А. Шилова, точка зрения о золотой «начинке» курганов возобладала над убеждением в их подмогильном предназначении. Но не все курганы были могилами, существовала и другая категория предназначения – обрядово-религиозная. В лесостепной Украине их называли майданами (площадями). Они не были похожи на классические курганы, по форме напоминавшие усеченный конус, где на верхнем основании располагалась ритуальная площадка. Доктор исторических наук Ю.А. Шиллов, проделавший в этом направлении огромнейшую работу, отметил, что такие курганы представляли некие символы и с высоты птичьего полета были похожи на громадных пауков.

Отходящие от окружности кургана земляные ответвления указывали на промежуточные стороны света и фиксировали восходы и закаты солнца в периоды зимнего и летнего солнцестояния. Такое расположение связывалось с празднованием главного языческого праздника – Купалы.

Традиция сооружения майданов на Руси продолжалась вплоть до утверждения Христианства.

Если схему, предложенную Ю. А. Шиловым, применить в нашем случае, то возможные «челюсти» Думчеге «паука» укажут на пойму реки Псел. Даже сегодня видимость в этом направлении составляет не менее 10 километров. Круговая же видимость сейчас невозможна из-за располагающихся со всех сторон лесопосадок.

Теперь относительно самого термина «Думчий». Так как курган находился на развилке нескольких дорог, требовалось поразмыслить, прежде чем двинуть по одной из них. Это первое и самое простое объяснение. Оно могло бы стать окончательным, если бы этот курган был обычным. Но если он являлся сооружением культовым, то природа появления такого названия имеет иные корни.

В украинском фольклоре есть род народной песни под названием дума. Невольно всплывают в памяти слова из песни: «Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю...» Песни-думки выражали определенное состояние души. Как правило, они были грустными, даже печальными.

Исходя из философии песни-думы, можно предположить, что она являлась производной от некой древней первообразной формы думы, как языческой молитвы, совершаемой жрецом на кургане.

Если же Думчий курган являлся языческим святилищем, то свое название он вполне мог получить от своего предназначения.

В 1185 году от Рождества Христова «Игорь к Дону воинов ведет». Несчастья предвещают ему птицы по дубовым урочищам вдоль Сеймицы. «Волки грозу поднимают по оврагам», спадающим в Псел.

«Но половцы непроложенными дорогами побежали» от Корочи-реки «к Дону великому». «О русская земля! Уже ты за Думчим курганом!» – воскликнул князь.

Вот он каков, наш Думный курган.

Прохоровский треугольник

Истоки. – 2000. – 24 марта.

После публикации материала под названием «Тайна кургана» заместитель директора по науке музея-заповедника «Прохоровское поле» В. Н. Замулин сообщил мне о реакции на нее некоторых старожилов близлежащих к хутору Думному населенных пунктов. Коротко говоря, суть ее заключалась в несогласии с тем, что Думчий курган находится около хутора Липовка.

На это можно сказать следующее. Любой исследователь, описывая те или иные исторические события, опирается на имеющиеся документы. В данном случае таким документом является карта Курского наместничества 80-х годов XVIII века. Другое дело, что не всегда имеющиеся источники позволяют нарисовать полную картину события. Но это решается по мере открытия источников или выявления таковых. Новый документ, найденный мною в областном государственном архиве г. Курска, позволяет более детально охарактеризовать интересующий нас участок местности. И рассказать уже не об одном, а сразу о трех курганах.

Во фронтальном северо-восточном направлении от Прохоровки, на разном расстоянии друг от друга, располагалось той кургана, образующих курганный треугольник. Первый из них находится и поныне рядом с хутором Думное. История сохранила нам этот памятник седой старины. Второй курган в конце XIX века был известен под названием Зеленый и находился при подъезде к хутору Нива со стороны Прохоровки, с правой стороны дороги, перед мостом. Этот курган, наверное, был известен всем жителям района. А третий как бы не имеет названия, но так

как он расположен в окрестностях хутора Липовка, то его можно назвать Липовским.

Курганный треугольник фиксировал или заключал в себе развилку проходящей здесь древней степной дороги, знаменитого Муравского шляха, соединявшего Москву с Крымом. Прославился он борьбой русского народа со степными кочевниками, в первую очередь, крымскими татарами. Прохоровские курганы разделяли единую доселе Крымскую дорогу на три последующих. В сторону Скородного, мимо Зеленого кургана, продолжался сам Муравский шлях. А от Думчего кургана и Липовского начинались две дороги под собственными названиями: Бакаев и Пахнуцкий шляхи.

Разобраться с названиями Прохоровских курганов мне помог выше упомянутый документ, в котором рассматривалось спорное дело о земле между дворянами села Ольшанка Обоянского уезда и села Отсочное Белгородского уезда. Ныне это наше село Шахово и село Средняя Ольшанка Пристенского района Курской области. Спор состоялся в 1774 году за сенокосные угодья в урочище Липовых логов. Ольшанцы в своих территориальных обоснованиях на спорное урочище указывают среди ориентиров все три кургана. При этом они ссылаются на межевую книгу 1653 года, когда была учреждена первая межа между уездами. Последовательность перечисления курганов идет слева направо, начиная с северной стороны урочища. Тогда, конечно, там не было никаких хуторов. Первым они называют Думчий курган. От него старую Белгородскую дорогою, спорным гребнем, прямо на Большой курган. А этот курган (то есть Большой) стоит на Муравской сакме (дороге), а от него «спорным гребнем Муравскою сакмою прямо на курган, что преж сего на том кургане бывала съезжая сторожа».

Напомню, что спор происходил в XVIII веке, но при этом приводились данные межевой книги, отображающей положение нашей местности на середину XVIII века. Теперь определим современное месторасположение указанных выше курганов. Начиная с северной стороны урочища, от земель тогдашнего Обоянского уезда, первым указан Думчий курган. В наше время около него расположен хутор с почти одноименным названием – Думное. Далее от Думчего по направлению на юг назван Большой курган и подчеркнута, что стоит он на Муравской сакме, то есть на ответвлении или продолжении Муравского шляха в сторону Скородного. А это значит, что Большим курганом назывался курган, который позже был известен как Зеленый. Получается, что он не

имел постоянного названия, а назывался сначала Большой, а потом Зеленый.

Может возникнуть вопрос: почему Большой? Что, он был больше двух других? Нет. Просто рядом с ним находилось еще три маленьких курганчика. Вот как об этом написано: «... а подле того кургана (Большого) два курганца небольшие, а третий поболее».

От Большого кургана межа вела к третьему кургану, который ольшанские однодворцы называли курганом, на котором «бывала съезжая сторожа». Съезжая – значит передвижная. Этот третий курган располагался с южной стороны урочища Липовых логов, позже известное как Липовка. И которое шаховские однодворцы называли еще одним интересным названием, ныне вышедшим из русского языка, Липяжок, означающим рошу на возвышенности. Южная сторона урочища – это как раз место Липовского кургана. По карте Курского наместничества он назван также Думочным, а ольшанцы, согласно межевой книге называют его не именем собственным, а «на котором стояла съезжая сторожа». Таким образом, можно сделать вывод, что его иногда звали Думчим, а иногда Сторожевым. Теперь укажем исторические названия курганов прохоровского треугольника: Думчий, Большой (Зеленый), второй Думчий (Сторожевой).

Липовская сторожа несла службу от Сторожевого кургана до Сторожевой яруги, что южнее Прохоровки, и до другой Сторожевой яруги, пролегающей в районе современного хутора Богдановка.

Воронежский исследователь, доктор исторических наук В. П. Загоровский, изучивший в свое время летописи, разрядные книги и другие документы архива древних актов, писал, что первая разведка на Поле, документально подтвержденная, была послана в 1541 году. Перед этим поступило сообщение, что татары готовят нападение на Русь. Путивльский воевода Федор Плещеев по распоряжению из Москвы послал в верховья Северского Донца (т. е. в наш треугольник) станицу во главе с Гаврилой Толмачем. Им ставилась задача определить численность татар и направление их движения. «Сметив» (определив) количество, как сказано в Никоновской летописи, «шли многие люди к Руси, тысяч со сто и более», Г. Толмач, оставив часть станичников для наблюдения, сам поскакал в Москву, через Рыльск по русской «украине» (окраине). Приводя данные летописи, В. П. Загоровский сообщает и конкретную информацию о главном кургане Прохоровского района. В сентябре 1553 года из Крыма в Москву возвращался гонец Тутаев, с ним ехал и

крымский посол. Они ехали «вместе до Думчего кургана», откуда Тутаев поехал «наперед», т. е. один, без посла. Это первое документальное упоминание о Думчем кургане. Хотя, наверняка, он был известен и ранее. Как указывал В. П. Загоровский, Думчий курган, как географический ориентир, неоднократно упоминался в документах XVI века, не говоря уже о более позднем времени. Это место было хорошо известно и русским, и татарам.

В заключение хотелось бы сказать, что прохоровская триада курганов помогала русским служилым людям упреждать внезапные нападения кочевников. Они, как три богатыря, стояли в дозоре на степном шляхе. Ну а вершина треугольника – Думчий курган – по праву занимает свое место в ряду легендарных курганов, таких как Изюм-курган в Харьковской области Украины и Савур-курган в Орловской области. Поэтому не лишним было бы установить на нем памятный знак, ведь через три года исполняется 500 лет со дня первого упоминания о Думчем кургане в летописях.

Первый герой Прохоровского района

Истоки. – 2000. – 22 апр.

Ровно 60 лет назад был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении высокого звания – Герой Советского Союза – нашему земляку, старшему лейтенанту А. Г. Лужецкому. Андрей Гаврилович стал первым из восемнадцати Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, которых взрастила наша земля.

Рассказом об этом человеке мы открываем публицистический цикл «Герои – наши земляки»

На сегодняшней карте Прохоровского района не найти деревни Выползовки – родины героя-пограничника Андрея Гавриловича Лужецкого. Деревня слилась с селом Ржавец.

Андрей Гаврилович стал первым Героем Советского Союза в Прохоровском районе еще накануне Отечественной войны, в 1940 году, во время советско-финской войны.

В ноябре 1972 года пятеро ребят из Прохоровского района были призваны в пограничные войска и направлены служить в Карелию.

Далеко за полночь колонна автомашин с молодым пополнением прибыла в гарнизон одного из карельских погранотрядов. Несмотря на

поздний час, колонну встречали под звуки марша «Прощание славянки». После того, как несколько сотен новоприбывших разместились в солдатском клубе, на сцену клуба поднялось командование отрядом. Седовласый полковник развернул боевое знамя части и обратился к призывникам: «Товарищи! Вы попали служить в 73-й Краснознаменный Ребольский пограничный отряд. Отряд заступил на охрану государственной границы 1 марта 1922 года. Он имеет богатую боевую биографию...» Далее полковник рассказал о героях погранотряда, в числе которых был и наш земляк Андрей Гаврилович Лужецкий.

Он родился в 1905 году в деревне Выползовка в крестьянской семье. В 1927 году был призван в Красную Армию. В пограничных войсках начал служить с 1932 года. В 1938 году окончил Высшую пограничную школу.

С началом боевых действий с Финляндией Ребольский погранотряд был преобразован в 5-й пограничный полк войск НКВД и держал оборону на дальних подступах к таким важнейшим транспортным коммуникациям, как Кировская железная дорога (Ленинград – Мурманск) и Беломоро-Балтийский канал.

В течение двух месяцев не выходил из боев. Старший лейтенант А. Г. Лужецкий командовал пулеметной ротой, которая обороняла участок на межозерной гряде. Противник всеми силами стремился сбросить пограничников с гряды. 46 суток они отбивали атаки врага, но не отступили со своих позиций. Все это стало возможным благодаря стойкости пограничников.

Старший лейтенант А.Г. Лужецкий грамотно построил линию обороны. Были сооружены дерево-земляные огневые точки (дзоты), основные и запасные, соединенные между собой ходами сообщений...

На 46 сутки героической обороны на позиции пограничников, при поддержке артиллерийского и минометного огня, пошел в атаку крупный отряд финнов. Самый критический момент боя наступил, когда прямыми попаданиями были уничтожены соседние дзоты. Чтобы не пропустить противника в образовавшуюся брешь, А.Г. Лужецкий выкатил пулемет и вел огонь с открытой позиции. Будучи тяжело раненым, он продолжал руководить оставшимися в живых пограничниками.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1940 года командиру пулеметной роты 5-го погранполка старшему лейтенанту А. Г. Лужецкому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Войсковые обыватели

Истоки. – 2000. – 19 июля.

На территории от села Коломыцево до хутора Химичев и от села Кривошеевка до хутора Бехтеевка расположен целый ряд населенных пунктов, родственных между собой тем, что в разговорной речи их жителей употребляется украинский диалект. Этот ряд населенных пунктов можно назвать еще «массивом заселения», представляющим из себя совокупность поселений, объединяемых принадлежащими им историческими особенностями. Конечно, украинский диалект – не основная особенность данного массива. Главное состоит в том, что его жители являются потомками казаков Острогожского слободского казачьего полка.

История происхождения украинского диалекта в нашей местности и история его носителей-казаков – общие и уходят своими корнями в уже далекий от нас семнадцатый век. А начиналось все лет за двадцать до того, как гетман Украины Богдан Хмельницкий с казачьей «старшиной» и всем «запорожским и городовым казачеством» 8 января 1654 года присягнул на верность русскому царю. Тогда в 30-х годах XVII века из сопредельного государства Польши (Украина была в ее составе) начинается поток переселенцев на вольные земли в пределы Дикого поля, которые русское государство начинало осваивать. Земли эти были исконно русские, богатейшие, но бесхозные. Кроме того, надо было когда-то положить конец грабительским крымско-татарским набегам. Для этого возводилась оборонительная линия – Белгородская черта, для строительства которой и дальнейшей службы на ней требовалось много «служивых людей». Своих служивых в России не хватало, поэтому правительства царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича принимали перешедших из-за границы. В России переселенцев с Украины называли «черкасами».

В 1638 году в казачью службу в новопостроенном городе-крепости Короче было принято 46 черкас. С течением времени на Белгородской черте сформировали несколько черкасских полков, но это произошло уже после 1654 года, а точнее в 60-х годах, когда переселенческий поток принял массовый характер. В числе новых полков был и Острогожский черкасский казачий полк, в котором по «рописи» 1668 года состояло в наличии 1546 человек.

Ко времени строительства Изюмской черты черкасские полки включили в состав Белгородского разрядного полка – крупного воинского объединения того времени (по данным профессора В. П. Загородского – 28378 чел.). А с образованием Слободской Украинской губернии они стали называться слободскими.

В составе Острогожского полка находилась Корочанская казачья сотня. Дислоцировалась она на южной («крымской») окраине Корочи, в так называемой Войсковой слободе. Здесь же казаки и жили со своими семьями. Постепенно количество населения в слободе увеличилось, и рядом с ней, в восточном и западном направлениях, было образовано еще два казачьих поселения – Бехтеевка и Погореловка.

Принимая черкас-переселенцев, русское правительство давало им льготы в разных видах хозяйственной деятельности. И в течение ста с лишним лет периодически подтверждало их указами. Но постепенно угроза татарских вторжений была ликвидирована. Белгородская черта теряла свое оборонное значение. Ввиду этого становилось невыгодно уже на тыловых рубежах держать большую массу льготного служилого населения. И в 1765 году императрица Екатерина II расформировала слободские казачьи полки, а на их основе было образовано несколько гусарских слободских полков. Оставшееся полковое население перевели в разряд войсковых обывателей, которые относились уже к податному (неслужилому) сословию. В этом качестве они находились по 1838 год, после чего были записаны в разряд казенных (государственных) крестьян.

До 1765 года и немного позже на указанной территории массива не было поселений оседлого типа, а существовали «летние» хутора, на которых с весны по осень содержались стада крупного и мелкого рогатого скота и лошадей.

Еще в 40-х годах XVIII века на Сеймице и ее притоках стали ставить мельницы, на богатейших разнотравьем местах держалось немало пасек. Указ о расформировании полков и, как следствие, о лишении льгот нарушил сложившийся уклад жизни корочанских казаков. Первое время на данной территории не образовывается новых поселений, но на «летних» хуторах жизнь кипит. Строится новое жилье и хозяйственные постройки, одним словом, готовятся населенные пункты постоянного типа.

И в 1770-х годах появляются первые два хутора – Радьковский и Журавский. Точная дата их заселения пока не установлена, но еще в

1781 году они пишутся, как «вышедшие из подгородних слобод» – Бехтеевки и Погореловки, то есть населенные из них. В первой половине 1790-х годов заселяются еще четыре хутора: Кривошеевский, Холодный, Коломыщев и Сетной. Радьковка, Журавка, Кривошеевка, Холодное и Коломыщево выросли в слободы. Сетной (Сетное) и все остальные поселения массива, возникшие позже, оставались в статусе хуторов.

В истории любого населенного пункта наиболее важным и первичным является вопрос о происхождении его названия. Что послужило поводом к образованию названия или с кем оно связано? Как видно из дат, первоначальное заселение войскового массива произошло в 70-е и 90-е годы XVIII века. Но земли, на которых заселялись хутора уже длительное время перед этим принадлежали корочанским казакам. Поэтому и хуторская жизнь начиналась в местах давно известных, где каждая речка, яруга, лог и урочище уже имели свои названия, что, в общем-то, и явилось определяющим в выборе названия для этих поселений. Особенно наглядно это видно на примере села Журавка. Свое название оно получило от речки, при которой было основано. Речка Журавка – приток Сеймицы – берет начало южнее современного х. Перелески. Ее не надо путать с речкой Гусынец (Гусынка), более протяженной и берущей начало недалеко от хутора Тихая Падина. А почему речку называли Журавкой?

Легенда села говорит о том, что здесь обитали журавли. Вероятно, так оно и было, а может и не совсем так. Немного восточнее Журавки в Сеймицу впадает вышеупомянутый Гусынец. Возникает вопрос: от чего тогда он получил свое название?

В 1751 году из Острогожской полковой канцелярии жителям слобод Бехтеевка и Погореловка была прислана выписка из жалованной грамоты на землю, им принадлежащую. По ней следовало, что западный предел земельных владений корочанских казаков проходил по речке Гусынец. Фигурировал среди ориентиров и Гусек – правый большой «рукав» Гусынца. Речка Журавка среди ориентиров не указывается, так как она находилась за Гусынцом и еще не принадлежала казакам. Не известно на тот период и ее название. А вот название Гусынец уже было и можно предположить, что оно появилась раньше названия Журавка. Речка Гусынец названа по обильно произрастающему в ее пойме гусиному (журавлиному) горошку – «гусынцу». Гусек – это уменьши-

тельно-производное от Гусынца. А Журавка? Возможно и ее название в какой-то степени зависит от гусынца.

Несколько сложнее образование названия Радьковка. Оно не связано конкретно с названием речки, лога или урочища, но и украинское слово «рада», означающее «собрание, совет», не имеет отношения к названию села. Ни один документ не подтверждает этой связи. Подтверждается связь с рельефом местности. Иногда можно слышать от некоторых жителей окрестных сел и деревень как бы неправильное название Радьковки – «Редьковка». Оказывается, когда-то такое произношение было правильным. Не всегда природа возникновения названия остается соответствующей его современному смыслу. И происхождение названия Радьковка, как это не покажется странным на первый взгляд, связано со словом «редкий», которое производно от древнерусского «ред». Благодаря множественности диалектов в тогдашней России, слово «ред» в некоторых из них произносилось как «рад». Но это все происхождение слова, а какое конкретное содержание оно заключало в себе по отношению к радьковской местности? В. Даль в своем «Словаре» зафиксировал слово «рада», архаичное уже для XIX века и обозначающее «болотистую равнину с кочкарником, плохой кривульный лесок по болоту». Элементы такого определения можно и сегодня найти в радьковском пейзаже, а в XVIII, а тем более в XVII веках, оно полностью соответствовало характеру данного участка местности.

Следующим населенным пунктом войскового массива, расположенном на Донецкой Сеймице, является село Кривошеевка. В ее пределах в Сеймицу впадает два известных с давних пор, лога Белоусов и Кривой. Белоусов лог пролегает на восточной окраине Кривошеевки. Когда-то и хутор был с таким названием, после он вошел в состав самого села. А лог Кривой проходит по самому центру Кривошеевки и знаменит тем, что дал название сразу двум поселениям. При его вершине находятся Кривые Балки (они относятся к другому массиву заселения). В устье Кривого лога, с правой стороны, впадает небольшой ложок и создает подобие шеи. Вот эта «шея» на Кривом логе и дала название – Кривошеевка.

Холодное – следующее большое село данного массива. Оно расположено в бассейне уже другой реки – Кореня. Совместно с расположенным поблизости хутором Студеным они образуют некий загадочный «полюс холода». Село названо по урочищу Холодному. Хутор же (он из другого массива) назван по Студеной дубраве, когда-то бывшей

здесь. Интересно, какой холод или стужа породили такие названия? Вероятней всего выражением их служили бьющие из-под земли ключи. Холодные, студёные родники послужили поводом для названия дубравы и урочища, а от последних – для названия населённых пунктов. Но существовало в войсковом массиве заселения и урочище с прямо противоположным названием – Теплое. От него получил название х. Теплый. Ныне известный как Сетное.

Первоначально это были два самостоятельных хутора, очень близко расположенные друг от друга, поэтому вскоре и объединились под одним названием Сетной. Происхождение названия пока не совсем ясно. Корень слова «сет» ни о чем не говорит. Если же это производное от слова «сета», означающего «скорбь, печаль», то с каким историческим фактом связано происхождение его названия, пока неизвестно.

Село Коломыцево – последний крупный населённый пункт в массиве войсковых обывателей. Коломыцево населялось непосредственно из Войсковой слободы, которая в конце 1780-х годов вошла в состав города Короча. Оно – одно из немногих в данном массиве (из числа крупных), которое несёт свое название не от признаков местности, а от фамилии Коломыцевых. Пока только не удалось установить, связано ли это с одним человеком или с группой лиц?

В этом году исполняется 362 года с того времени, как в Короче в казачью службу были записаны первые 46 черкас-переселенцев с Украины, предков нынешних жителей из выше перечисленных сел. У любителей истории может возникнуть вопрос: из каких мест Украины они пришли? Прямых данных на этот счет нет, но косвенная информация имеется.

В 1652 году под Путивль (он тогда был пограничным с Польшей городом) перешел целый сборный переселенческий полк «черкас». Казаки шли с семьями, везли свое имущество, вели скот. Командовал полком полковник Иван Дзиньковский. (Впоследствии он будет казнен за поддержку восстания Степана Разина, хотя основная часть полка восстание не поддержит). В полку было пять сотен и в «памятке» даны их названия – Карабутовская, Черниговская, Борзенская, Батуриная и Конотопская. Судя по их названиям, видно, что это современные Черниговская и Сумская области Украины.

На основе переселенческого полка был сформирован Острогжский черкасский казачий, впоследствии слободской полк. Только Корочанская сотня, вошедшая в полк, набиралась из других групп черкас. По-

этому твердо сказать, что и корочанские казаки вышли из этих мест, нельзя. Но без ошибки можно сказать, что они были выходцами из родового казачества левого берега Днепра.

Край поля половецкого

Истоки. – 2000. – 21 окт.

В ноябре 1995 года в «Истоках», если вы помните, напечатана статья «Память Дикого поля» о древней дороге Шаруканке — Широ-канке. Для ясности напомним, что дорога эта вела от одного из бывших древнерусских городков, захваченного половцами в XI веке, к городу Чернигову. Городок располагался где-то в верховьях Северского Донца и с захватом его половцами стал называться Шарукань по имени первого половецкого хана Шарукана (Шарука), пришедшего на Русь. Одноименное название получила и ведущая от него дорога.

В статье рассматривался вопрос, что если действительно Широ-канка (позднее название) — это трансформированная Шаруканка, то как такое древнее название могло сохраниться во вроде бы безлюдной местности и дойти до новых времен? Какой народ донес древние топонимы до конца XVI и начала XVII веков, до времени заселения Дикого поля русским государством. И действительно ли поле было диким?

Относительно термина «Дикое поле» воронежский историк, профессор В.П. Загорский говорил, что он научно не обоснован. «Дикое поле» надо понимать не как некое географическое пространство, а как неосвоенные целинные земли. Правомочным, как он полагал, для данной территории считается термин «Поле», именно как географической области.

Документы, относящиеся ко времени начала освоения Поля Русским государством не говорят ничего о местном «полевом» населении, за исключением... казаков. Уже на 1572 год были известны и составляли немалое число донские, донецкие и оскольские казаки. Мы узнаем об этом благодаря тому, что в этом году в Поле начала функционировать русская сторожевая служба, которая соприкоснулась с «полевыми» казаками. Исходя из этого, можно сказать, что на последнюю треть XVI века местным населением в пределах Белгородчины являются казаки. Но, как известно, официальной датой рождения казачества был XV век. В таком случае от кого могли перенять казаки топонимические назва-

ния XI—XII веков? Чьими преемниками они стали в нашей местности? Для ответа на эти вопросы необходимо затронуть историю происхождения казачества вообще.

В условиях XVIII века, когда над Россией довлел дух «западничества», русская патриотическая часть общества остро реагировала (как впрочем и сейчас) не те периоды русской истории, в которых имелись моменты, несколько ущемляющие национальное самосознание. К такому относилась «теория о норманском» происхождении Руси. В этом ряду, но менее значимым, стоит и происхождение казачества. Формирующаяся русская национальная историография XVIII века Целиком и полностью отнесла происхождение казаков к беглым русским людям, ушедшим на волю от крепостной зависимости из Московской Руси. Да, на каком-то этапе истории казачества так и было, но не в ее начале.

Известно, что слово «казак» не русского, а тюркского происхождения. Просто так, беспричинно, оно не могло попасть в русский язык. В результате длительного временного соприкосновения в пограничной местности русские переняли это слово вместе с родом деятельности его первоначальных носителей – тюркских казаков. Суть этой деятельности выражалась в вольной полукочевой жизни.

Дореволюционный историк В.О. Ключевский отмечал, что «первоначальной родиной казачества можно признать линию пограничных со степью русских городов, шедшую от Средней Волги на Рязань и Тулу, потом переламывавшуюся круто на юг и упиравшуюся в Днепр по черте Путивля и Переслава».

Когда-то в степи, на юг от этой линии находился Хазарский каганат, государство с полукочевым укладом жизни, распавшееся в X веке. Исчезло государство, но основная масса народа, несомненно, осталась. Поэтому, если не выдумывать ложнопатриотических теорий, а следовать простой лингвистической цепочке, – хазары – козары – казаки, — можно признать, что корнем казачества были этнические потомки хазар.

Другой дореволюционный историк С.М. Соловьев упоминал о казачьем отряде, ушедшем с гетманом Мазепой в Бессарабию. В 1710 году при выборе нового гетмана Орлика между ним и казаками был подписан договор, в котором наряду с другим говорилось и «о древнем могуществе казацкого народа, который одно и то же, что козары». В. О. Ключевский писал еще, что первые упоминания о казаках в русских источниках относятся к 1444 году. И касались они рязанских казаков, ко-

торые жили на Верхнем Дону и Оке. Надо полагать, что здесь и начался первый контакт русских удалых людей и тюркских казаков. Поэтому, по отношению к середине XV века, можно говорить о начале проникновения в казачью среду русского населения и о зарождении уже русского казачества. Территория Белгородчины в этом плане еще более интересна, хотя тут этногенез русско-тюркского казачества начался несколько позже рязанского.

Ее частично захватывает так называемая салтово-маяцкая археологическая культура, имеющая неславянское происхождение. Изучением ее занималась экспедиция во главе с московским археологом С. А. Плетневой. Данная культура классифицирована была как хазаро-аланополовецкая. Поселения этой смеси народов распространялись от Харьковской области (Салтово) до Воронежской области (Маяцкое городище). В Белгородской области они найдены по рекам Короче и Осколу. Именно салтово-маяцкое население, уцелевшее после монгольского нашествия, и стало основой донского, донецкого и оскольского казачества. Постепенно с усилением крепостной зависимости в Поле стали уходить русские люди.

Наверное, любой внимательный человек, интересующийся нашей местной историей, заметил, что в основном история Центрального Черноземья, как части Поля, начинает детально освещаться только с началом строительства «полевых» городов-крепостей. До этого же момента история Поля покрыта «туманом». Ныне покойный В.П. Загоровский в одной из своих монографий высказывал сожаление по этому поводу. А ведь Поле – это древнейшая русская земля, после распада Киевской Руси отторгнутая степными народами. Вероятно, присутствие здесь нерусского населения и явилось причиной «белого пятна» в истории Поля, и то, что это население более лояльно относилось к давним врагам Руси и участвовало с ними в их походах против нее.

В первые годы (с 1507 г.) нападений на Москву, крымские татары не знали дорог и привлекали «литовских проводников» (Исторический архив. Загоровский.) Литовские проводники – это местные жители, проживавшие с прилегающим рядом Муравским шляхом (первое время татары ходили только им). Литовскими их называли потому, что в течение 140 лет, до 1503 года, территория Белгородчины до реки Оскол включительно входила в состав Великого княжества Литовского (последнее время формально).

В этом же 1507 году польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду первым крымским ханом Менгли-Гиреем был выдан ярлык с перечнем русских земель, когда-либо находившихся под владением Литвы. В списке среди прочих городов указаны был Хотмышь и Оскол. В конце XVI века, когда Русь вышла в Поле, этих городов не оказалось в наличии. Куда они делись? В. П. Загоровский предполагал, что месторасположение этих городов не совпадало с последующими их «тезками», построенными на Белгородской черте. В частности, по Осколу он допускал, что тот мог быть на месте Холкинского городища. Вероятно, здесь надо учитывать то, что города эти не имели крупных каменных сооружений, почему следы их и затерялись. А еще, наверное, потому, что население этих городов больше похожих на крупные села, просто покинуло их. Как известно, в начале освоения Поля Московской Русью часть казаков отошла на юг с «верховых» речек на «низовые». Чем и подтвердила свою казачью натуру, не желая утрачивать вольную жизнь.

В 1537 году в походе на Москву, кроме турок, татар и литовцев, участвовали какие-то белгородские казаки. Некоторые считают, что это были казаки из Белгорода под Киевом. Но, наверное, московскому летописцу легче было бы назвать таковых киевскими казаками. Только их не существовало в истории, как и белгородских из-под Киева. Самыми ближними казачьими центрами к Киеву и более ранними были Переяславль, Канев, Черкассы. Реестрового казачества тогда еще не было. Из всего польско-литовского воинства, ходившего на Москву, иногда выделялись только запорожцы. Вероятней всего, это было более автономное казачье объединение, ближе расположенное к Москве и, соответственно, более знакомое. Одним словом, те белгородские казаки как раз и могли быть донецкими казаками. Хотя известно, что в ярлыке Менгли-Гирея (1507 г.) среди перечня городов Белгорода нет, но это не значит, что его не было вообще. В ярлыке перечислены русские города, когда-либо принадлежавшие Литве. А если он никогда не принадлежал Литве, то он и не мог быть в этом списке. И, вдобавок, если он на тот момент просто не был русским городом.

В связи с нерусским происхождением казачества и проживанием его в наших краях находится следующий исторический факт.

Почему, например, в нашей местности названия некоторых дорог и шляхов носили имена ханов и гетманов, воевавших с Русью? Древняя и пока предполагаемая Шаруканка или более новейшие и исторически

достоверные Бакаев и Сагайдачный шляхи. Объяснение этому может быть только одно: народ, проживавший в районе маршрута этих дорог, не воспринимал их как врагов. «Черкасы», которые в 30-х годах XVII века стали приходить на службу в строящиеся крепости на Белгородской черте, вполне возможно ходили с гетманом Сагайдачным на Москву. И даже их внуками, служившими уже России, он воспринимался, по крайней мере, положительно. Название рождалось в народных недрах, как память о прошлом, какое-то время существовало в устной форме, потом становилось официальным. Также и хан Бакай в среде «полевых» казаков XVI века был своим человеком, но врагом Руси. Правда, в конце этого же века его внук присягнул на верность русскому царю. Некоторым противоречием к сложившемуся историографическому подходу в истории Поля являются также распространенные по всей Белгородской области и по Прохоровскому району, в частности, легенды о курганах, якобы насыпанных турками. Понятно, что легенды не документальные данные, но, тем не менее, они тоже имеют под собой некоторую историческую основу. Конечно, турки курганы не насыпали. Сооружение курганов закончилось задолго до того, как на карте мира появилось государство под названием Турция. Но турки умело использовали древние легенды в своей дипломатии против Москвы. Известно, что Крымское ханство было сателлитом Турции. В свою очередь, «полевые» казаки (потомки салтово-маяцкого населения), хотя и были вольным народом, но все же находились в подчиненном положении у крымских татар. Поэтому Турция выдвигала претензии и на территорию Поля. Вероятно, в это время в древних легендах поменяли действующих лиц. Место какого-то древнего народа в легендах заняли турки. Но для характера данной статьи важно другое. Если бы в Поле в этот исторический период не было постоянно проживающего населения, то не было бы и никаких легенд. Русские узнали о них именно от «полевого» казачества, которое веками сохраняло их и донесло до прихода в Поле русских. И не только легенд, но и древние топонимические названия.

В Прохоровском районе находится населенный пункт, название которого возможно, имеет какое-то отношение к исследуемому вопросу. Это село Казачье. Селом оно стало в 1764 году, а деревня Казачья в Сажном стане Белгородского уезда была уже в конце XVII века. И что интересно, основана она была при «Казацком логге». Но в деревне жили не казаки, а «однодворцы полковой службы». Поэтому можно допус-

титель, что название лога идет еще из домосковского периода истории Поля. Тем более, село расположено рядом с вероятно проходящей здесь дорогой Шаруканкой (между селом Казачьим и селом Заячьим), шедшей от городка Шарукана, находящегося в пределах Харьковской области.

В заключение хотелось бы сказать следующее. В 1185 году Новгород — северский князь Игорь Святославович шел в Поле освободить русский город Тмуторокань от одних из предков «полевых» казаков — половцев (другими были хазары, аланы, болгары и позже русские), но не смог этого сделать. В конце XVI начале XVII веков русский народ выполнил миссию, начатую бесстрашным Игорем, и вернул Поле в состав Русского государства. Только пришедшие русские служилые люди не увидели здесь половцев времен Игоря, а встретили обрусевших казаков, которые вскоре из вольных казаков стали «государевыми» казаками России.

Тернистый путь от слободы до поселка

Истоки. – 2000. – 6 дек.

Уже на протяжении многих лет существует ошибка, повторяющаяся от автора к автору и заключающаяся в том, что слобода Прохоровка (ныне село Васильевка Прелестненской администрации) и железнодорожная станция Прохоровка были совмещены как бы в единый населенный пункт. Хотя между ними расстояние только по прямой порядка десяти километров. В результате, история возникновения современной Прохоровки безосновательно увеличивается на двести с лишним лет, что, конечно же, является несомненной ошибкой. Причем ее продолжают повторять люди, имеющие ученые степени, чем и подтверждают неправомерность переписывания текста один у другого без сверки его с первоисточниками.

В 1999 году под авторством В. И. Давыдова в Белгороде вышла книга «Духовные родники Святого Белогорья». В ней он относительно нашего районного центра пишет, что «в 1772 году в Прохоровке была построена каменная Успенская церковь». Но ведь доподлинно известно, что это историческое событие связано с той, другой Прохоровкой (условно назовем ее Прелестненской).

В 2000 году тот же В. И. Давыдов выпускает второе, исправленное и дополненное издание под названием «Храмы Белгородчины», в котором пишет, что «в середине XVII века помещики Ильинские, получив землю близ города Белгорода, образовали на ней слободу – современную Прохоровку. В 1772 году в Прохоровке был построен Успенский кирпичный храм». Мало того, что эта информация также не имеет отношения к современной Прохоровке, но она неверна по отношению к Прохоровке Прелестненской. Об этом будет сказано несколько ниже.

В «Белгородской энциклопедии», вышедшей в 2000 году, говорится: «В середине XVII века помещики Ильинские получили земли близ Белгорода и образовали на них слободу», то есть сегодняшней райцентр. В. В. Овчинников, составитель энциклопедии, ссылается на «Белгородский алфавит» Б. И. Осыкова, на «Надпись на карте» В. А. Прохорова и на самого себя.

Теперь смотрим «Белгородский алфавит» Б. И. Осыкова, изданный в 1990 году. В нем тот же текст: «В середине XVII века помещики Ильинские получили земли близ Белгорода и образовали на них слободу», опять же Прохоровку современную. При этом он ссылается на Большую советскую энциклопедию и на Советский энциклопедический словарь. Но в этих изданиях нет ни строчки о дореволюционной Прохоровке.

Также он ссылается еще и на книгу В. А. Прохорова «Надпись на карте», изданную в 1977 г. Значит, эти данные взяты из нее.

Смотрим уже текст непосредственно В. А. Прохорова «Надпись на карте». Он гласит: «Прохоровка – центр Прохоровского района... В первой половине XIX века Прохоровка – крепостная слобода, принадлежавшая помещикам Ильинским. Ильинские стали владельцами земель близ города Белгорода в середине XVII века. Видимо, с того времени и существовала слобода Прохоровка».

Если В. А. Прохоров только предполагает, что слобода существовала с середины XVII века, то ссылающиеся на него Б. И. Осыков и В. В. Овчинников, уже безоговорочно утверждают, что слобода Прохоровка образована в середине XVII века, и что эта слобода и есть современный райцентр Прохоровка. При этом выходит, что Прохоровка образована была близ Белгорода. Создается впечатление, что и тот, и другой писали свои книги в Москве или в Петербурге. Иначе как можно, будучи в Белгороде говорить, что Прохоровка расположена вблизи Белгорода, находясь от него за 56 км по железной дороге и за 65 км по ав-

тотрассе? Налицо аккуратное переписывание без выдумывания в смысле переписываемого.

Список использованной литературы у В. А. Прохорова занимает несколько страниц, поэтому трудно просто по его перечню понять на основании чего он сделал свое заключение по Прохоровке. Но в этом списке есть В. П. Семенов (Тянь-Шанский). Он также допускает ошибку по данному вопросу. Вот что он пишет во II томе «Полного географического описания нашего отечества», изданном в Санкт-Петербурге в 1902 году: «... На станции Прохоровке, последней в Обоянском уезде, имеется... Слобода Прохоровка имеет свыше 1500 жителей и в эпоху освобождения крестьян принадлежала Н. В. Ильинскому... Курские (читать как белгородские А. Б.) Ильинские – единственный старый дворянский род этой фамилии, происходящий от польского дворянина Ильинского, переселившегося в половине XVII века из Польши в Белгород». Как видим, В. П. Семенов и станцию Прохоровку, и слободу Прохоровку помещает вместе в Обоянском уезде, хотя не так было на самом деле. Станция Прохоровка относилась к Корочанскому уезду, а слобода Прохоровка – к Обоянскому.

Остается еще «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефона, правда все выше перечисленные авторы на него не ссылаются, но наверняка без него они не обошлись. В нем, в частности, говорится, что «Ильинские – русский дворянский род, происходящий от польского рода Ильинских, герба Корчак. Кирилл Григорьевич Ильинский и его сын Савва выехали во время польской войны 1654-56 гг. из Польши в Белгород. Потомство и внесено в VI часть родословной книги Курской губернии (Гербовник VI). Существует еще 40 родов Ильинских позднейшего происхождения».

К сожалению, неизвестно пока есть ли где в наличии VI часть родословной книги Курской губернии, но сейчас это не столь важно. В данный момент у нас имеется возможность сверить тексты всех выше перечисленных авторов с информацией, имеющейся в областных государственных архивах Белгорода и Курска. Правда, здесь не будет дано ссылок на фонды, из которых была извлечена эта информации, но если данная тема будет иметь продолжение, то они будут предоставлены.

Историческая картина, вырисовывающаяся из содержания архивных документов (первоисточников), не совпадает с тем, что написано в перечисленных изданиях.

«Прохор Петров сын Ильинский – однодворец полковой сотенной службы поместной». Такое звание и именно в таком написании имел к 1710 году Прохор Петрович Ильинский – человек, с которым связана часть истории Прохоровского района, и имя которого является в некотором роде символом района. Родился он в 1668 году, где конкретно – пока неизвестно.

Если исходить из даты его рождения, то его отец Петр Ильинский родился около 1640 года, немного раньше или чуть позже. Как видим, это не совпадает с текстом Брокгауза, в котором сказано, что в 1654-56 гг. в Белгород приехал Кирилл Григорьевич Ильинский с сыном Саввой. В таком случае там должен бы быть записан и сын Петр, но его нет. Значит, связывать Прохора Ильинского и его потомков, записанных в VI часть Родословной книги Курской губернии, с польскими шляхтичами (дворянами) Ильинскими нет оснований, или, по крайней мере, недостаточно их.

Прохор Петрович Ильинский имел земельные владения и ближе к Белгороду и дальше, но поместную землю на будущей территории Прохоровского района впервые получил только в 1713 году в количестве 30 четвертей, что в переводе на современную меру площади составляет примерно 60 гектаров. Земля эта располагалась в верховье Липового Донца. Вскорости на ней он населил «черкасскую слободку», в которой в 1718 году было 9 дворов. Слободка стала называться Прохоровкой по имени основателя. Подчеркну еще раз, что 1713 год стал первым годом вступления Прохора Ильинского на будущую прохоровскую землю. Нам известен конкретный человек и известно конкретное время, и место, а не расплывчатая фраза о помещиках Ильинских, получивших землю где-то вблизи Белгорода.

В двадцатых годах XVIII века Прохор получает землю на реке Псле и образует на ней большую слободу Прохоровку. Строит в ней деревянную церковь во имя Пресвятой Богородицы. Слобода именуется двойным названием «Богородицкое Прохоровка тож». В свою очередь слободка Прохоровка в верховье Липового Донца после появления большой Прохоровки получает название «Малая Прохоровка». Ее Прохор Петрович отписал в приданое своей дочери Анне. После смерти первого мужа Анна вышла замуж за подполковника артиллерии Григория Никитовича Нечаева. Через некоторое время слободка стала называться «Малая Прохоровка Нечаевка тож». Григорий Никитович был похоронен у стен еще старой деревянной Лучковской церкви. В начале

30-х годов XX века с его могилы была снята надмогильная плита. При посещении мной деревни Нечаевки двое ее старожилов – Илья Трофимович Попов, 1919 года рождения, и Петр Христофорович Бессонов, 1912 года рождения, – рассказали, что плита была цела еще в 50-е годы и высказали предположения, что она находится в Лучках и сегодня.

«Слобода Богородицкое Прохоровка тож» наибольшую известность приобрела при сыне Прохора – Иване Прохоровиче. Возвращаясь к книге В. И. Давыдова «Духовные родники Святого Белогорья», надо добавить, что ту каменную Успенскую церковь в 1772 году построил Иван Прохорович.

Ко времени открытия железнодорожной станции, расположенной на 97-й версте от Курска, встал вопрос о ее названии. Оно, как известно, давалось от ближайших села или слободы (населенного пункта с церковью). Самым ближайшим селом являлось Красное, отстоящее от станции на 6 верст. Дмитриевская церковь была построена в ней еще в 1859 году. Слобода Прохоровка находилась за 9 верст с лишним, но, тем не менее, станцию называли Прохоровкой. Вероятно, в первую очередь это произошло потому, что проект на постройку Курско-Харьковской железной дороги был разработан еще до 1859 года, до постройки церкви в Красном.

Подытоживая написанное, нужно сказать, что 1868 год – год открытия железнодорожной станции Прохоровка – далеко отстоит «от середины XVII века», с которым связывают образование Прохоровки перечисленные авторы. Даже 1713 год – первый год появления помещика Прохора Ильинского на прохоровской земле – разделяет с 1653-56 годами, в которые Ильинские якобы пришли из Польши в Белгород, целых 60 лет. Но это не значит, что до 1868 года на территории современного поселка Прохоровка не было никаких поселений. Если преемственность в названии поселка идет от слободы Прохоровки, то преемственность в первичном заселении идет от хутора Лутова, основанного здесь еще в конце 70-х годов XVIII века.

Начало заселения района

Истоки. – 2001. – 10 янв.

В данной статье речь пойдет о населенных пунктах Прохоровского района, которые до 1838 года находились в так называемой чет-

вертной форме землевладения. Их жители назывались четвертными землевладельцами. Соответственно, основанные ими села и деревни можно объединить под общим названием – четвертной массив заселения.

Однодворцы (так они назывались до 1838 года) четвертного массива имели индивидуальные жалованные грамоты на землю, полученные еще их предками в XVII веке за службу. Этим они отличались от жителей войскового массива заселения, предки которых, казаки Корочанской сотни, имели коллективную жалованную грамоту на всю сотню. И находились уже в душевой или общинной форме землевладения. После реформы 1838 года однодворцы стали называться государственными крестьянами и в течение нескольких лет были переведены в смешанную душево-четвертную форму владения землей. И фактически к революции они общинно владели землей, за исключением тех, кто пополнил под-сословие частных землевладельцев, так называемых кулаков.

Согласно «писцовой» книге 1626 года в белгородском уезде половину служилого населения составляли представители станично-сторожевой службы. Поэтому и первыми поселенцами Прохоровского района, территория которого частично входила в древний Белгородский уезд, стали «дети боярские» – станичники, станичные ездоки и вожи – проводники, в меньшем количестве «дети боярские городской службы». Первичное наделение повсеместной землей на территории района произошло еще в начале 20-х годов XVII века. «Выписи» из жалованных грамот позволяют сделать такое заключение. Во второй половине XVII века среди первопереселенцев, кроме указанных выше категорий «служилых людей», появляются рейтары, драгуны, солдаты. Эти виды служб отнеслись уже к зарождающейся русской регулярной армии, к «полкам нового строя», которые начали формироваться с 1653 года.

В отношении к поселениям Прохоровского района, основанным в XVII веке, имеется еще много неясностей, которые нельзя разрешить только на основании документов Белгородского и Курского облгосархивов. Для этого требуется работа с документами РГАДА (Российского Государственного архива древних актов) в Москве. В частности, пришлось столкнуться со следующей особенностью по нашей местности

Дело в том, что в Северский Донец с левой стороны впадает много логов, которые в древности были покрыты зарослями ольхи. Заросшие логаяруги назывались ольшанцами. Возникающим возле них деревням без особых замысловатостей давалось название Олышанка или Олыша-

нец. И когда таких Ольшанцев становилось несколько, возникали определенные неудобства. Московский стольник П. Зиновьев, в 1669 году проводивший проверку западного участка Белгородской черты, ниже Белгорода по Северскому Донцу нашел три соседних деревни с одинаковым названием. Об этом факте сообщает В. П. Загоровский. Позже две деревни получили другие названия, а третья и сегодня называется Нижний Ольшанец.

Аналогичная ситуация получилась и в Сажном стане, который административно включал часть территории Прохоровского района. В 1626 году в Сажном стане была одна деревня Ольшанец (Ольшаница – современное село Верхний ольшанец Яковлевского района), а в 1646 году уже три. Но в отличие от тех Ольшанцев, саженским Ольшанцам для различения были добавлены прилагательные Новый и Большой. Деревня Новый Ольшанец основана еще в 30-х годах XVII века на Ольшанной Яруге. Уже в 1638 году здесь были «починки и усадища» Евтихей и Федора Кураковых с товарищами. В XVII веке и ранее починком называли деревню в 1–3 двора, недавно образованную. «Усад» и «усадище» в современном русском языке приобрели понятное всем нам название – усадьба. То, что согласно карте XVIII века западнее деревни Кураковки проходила Ольшанская Яруга, а также наличие фамилии Кураковых, дает основание предположить, что Новым Ольшанцем первоначально называлась деревня Кураковка.

Деревня Большой Ольшанец была основана соответственно при Большой Ольшанской яруге. В 1644 году сын боярский Никита Уткин с товарищами получил поместную землю и построил починок в несколько дворов. Кроме фамилии Уткиных в пользу того, что это могли быть Подъяруги, говорит и следующее. В XIX веке, особенно в первой половине, село Подъяруги называлось Большие Подъяруги. Еще ранее, в XVIII веке, до того, как там построили церковь, деревня называлась Большая Яруга. Поэтому не исключено, что Большая яруга в XVIII веке – одно и то же.

Следующая деревня, записанная в «писцовой» книге 1646 года, которой нет сегодня на карте Прохоровского района, называлась Кизилова и располагалась в верховье Сажного Донца. Учитывая координаты Сажного Донца, именно его верховья и коренную фамилию Кизиловых, можно с большей уверенностью допустить, что сначала так называлось село Лески. Потом оно получило современное название от ярков, спадающих в Сажный Донец, когда-то заросших небольшими лесками.

Четвёртым населённым пунктом, появившимся на территории района до 1646 года, была деревня Щелоково. Не вызывает сомнений, что свое название она получила от фамилии. Но среди ее первопоселенцев нет такой фамилии. Вероятней всего это связано с неким сыном боярским Щелоковым, первым получившим здесь поместьную «дачу».

В период с 1646 года по 1678 год на территории Прохоровского района появляется еще несколько поселений. И среди них опять одна деревня, связанная названием с деревом семейства березовых – ольхой, основанная в верховье Северского Донца. Сначала она просто так и называлась – Ольховая. Потом длительное время – Ольховатое и, наконец, – Подольхи. С конца XVIII века село Подольхи подразделялось на две административные единицы: непосредственно сами Подольхи и Старое Ольховатое, тот исторический центр, с которого берут свое начало современные Подольхи. В вышеуказанный период, после 1646 года, была образована деревня Тетеревиная на Достойном Колодезе при Тетеревином лесе – современное Тетеревино. С названием вроде бы все понятно. XVII век стал последним для наших краев, когда здесь обитали не только тетерева, но и другие виды животных и птиц, которых сегодня, к сожалению, нет. Название колодезя, которое в Тетеревино уже не помнят, Н. М. Шанский объясняет в значении «нужный». Надо сказать, что колодезями тогда называли небольшие речушки и ручьи. Для тетеревиновцев выскажу предположение, что такое название имел родник при вершине лога и сам лог, который тянется от села Тетеревино в сторону Сухой Плоты, в свою очередь впадающей в Липовый Донец.

Третьим населённым пунктом, возникшим после 1646 года, была деревня Яблоново – современное Мало-Яблоново. Основана она была на Яблонево Колодезе. Колодезь впадал также в Сухую Плоту, но другую, впадающую уже в Сажный Донец. Вообще-то, тогда термин «плота» был не менее распространен, чем «ольшанец». Название Яблонова Колодезя произошло от произрастающих по его склонам диких яблонь. Деревня, а потом село Яблоново, называлось так до 1796 года. После ликвидации Яблоновского уезда в укрупненном Корочанском уезде оказалось два села Яблоновых. Соответственно, одно из них – бывший уездный город Яблонов – стало Большим Яблоновым, а другое, бывшего Белгородского уезда, стало Малояблоновым.

Четвертым поселением, основанным в период с 1646 года по 1678 год стала деревня «Отскочная Шахово тож» – современное Шахово. Первая часть двойного названия идет от названия Отскочного лога,

впадающего в Северский Донец в пределах с. Щелоково, при вершине которого она была населена. Отсочным или удаленным обычно называли достаточно протяженный лог, если вершина его за несколько верст отстояла от его устья. Вторая часть названия связана с фамилией первопоселенцев Шаховых. Тут можно напомнить легенду села, рассказанную в 1885 году земским статистам лесными крестьянами. На вопрос, когда и кем было основано ваше село, они ответили, что лет 300 тому назад сюда из Тулы пришел некий Шахов с четырьмя сыновьями. Если от указанной даты отнять 300 лет, то получается конец XVI века. А это значит, что крестьяне или переборщили с возрастом села или же здесь открывается иной аспект заселения нашей местности.

Все ли поселения XVII века на территории района были основаны служилыми людьми или же имела место вольная народная колонизация? На этот вопрос нельзя ответить без работы с документами вышеупомянутого РГАДА.

Не менее интересна история Плоты. Основано село было на речке Белой Плите, правом притоке Северского Донца, впадающей в него в пределах хуторов Шипы и Рындинок. Основали ее рейтары и солдаты «государевой посопной» (пособной, от слова пособлять, помогать) волости Белгородского уезда. Волость была «тяглой» и в основном состояла из крестьян, но было в ее числе и немного «служилых» из «полков нового строя». В 1668 году Плота пишется уже селом, только имеет несколько отличное от современного название – «Плоское Дмитриевское тож». Много пришлось потрудиться, чтобы из различных источников убедиться, что это и есть село Плота. Но почему же сначала Плоское, а потом Плота? Оказывается, в древнем русском языке характер этих слов был одинаков и объясняли они один и тот же предмет. Плотавая лощина считалась плоской, в отличие от яруги, имеющей более крутые склоны и более «сжатой» в своих берегах. Дополнительное название Дмитриевское связано с названием церкви. Дмитриевская церковь села Плоты являлась самой древнейшей и первой на территории Прохоровского района. Она сгорела перед Отечественной войной 1812 года. И почти через сто лет, в 1906 году, Плота снова стала селом.

В 90-х годах XVII века появляется деревня Авдеевка. Еще в 1635 году сын боярский, станичный Антон Авдеев был пожалован землей на Белом Колодезе, при Журавлином и Хмелевом логах. Белый Колодезь впадает в Северский Донец с левой стороны в пределах села Авдеевки. Получив землю, Антон продолжал жить в деревне Ольшанце (пока

трудно сказать в каком). И только его внуки основали на дедовской земле деревню Авдеевку.

После 1678 года образована и деревня Казачья, основанная при Казачьем логе, которые в некоторых документах назывался еще яругой. В свою очередь название лога связано с казаками станично-сторожевой службы. Это особая страница в истории заселения Прохоровского района. В нашей местности сторожи функционировали до 1646 года. После чего масса казаков в возрасте до 45 лет записались в полковую службу. Известный последователь истории Курской губернии А. Танков, работавший в свое время с Дозорной книгой 1599 года, нашел в ней деревню Мелехову – современное село Корочанского района, в которой жили казаки-сторожа и станичники. Нам неизвестны их фамилии. По «писцовой» книге 1646 года в Мелехове были Лапины, Гридчины и Лукьяновы. Потом среди первопоселенцев деревни казачьей оказались именно эти фамилии. Остальные коренные фамилии, в частности самая массовая – Съедины, попали в нее из Верхнего Ольшанца.

На рубеже XVII и XVIII веков в Сажном стане появляется деревня Жиломостная – современное Жимолостное, при Жиломостном логе. Такое произношение названия сохранялось вплоть до начала XX века. И оказывается оно более правильно выражало смысловое значение качества жилистого и вьющегося растения – жимолости. В 1718 году в деревне было 12 дворов.

Кроме Сажного стана, территория Прохоровского района до конца существования Белгородской губернии входила и в Болховской стан. С этим административным центром, короткое время бывшим даже уездным, связано основание сел Лучки и Грязное.

Село Лучки образовано в последней четверти XVII века. Свое название оно получило от расположения правых «отвершков» Липового Донца в форме изгиба-луки. Имело оно и дополнительное название – Мигуловка. Кто был этот Мигулов, установить пока не удалось, но в конце XVIII века Мигуновых в Лучках не было. Здесь возможен такой же вариант, как и в селе Щелоково. В середине XVIII века в Лучках проживало много отставных драгун. Поэтому не исключено, что заселение их могло происходить и из города Карпова, располагавшегося на территории современного Яковлевского района недалеко от Томаровки. В нем служили драгуны, а в Болховце их не было.

Наряду с Лучками в Болховском стане находилось и село Грязное. Основано оно было около 1700 года на Грязной Плоте бассейна реки Псла, отчего и получила свое название.

Еще один административный центр – уездный город Обоянь – участвовал в формировании четвертного массива заселения Прохоровского района. С ним связано образование села Карташевка. Происхождение этого названия пока не совсем ясно. Но на ранней стадии своего существования оно имело другое более длинное название – Нижний Праворотский Колодезь. Праворотскими (Праворотными) назывались некоторые небольшие речушки и ручьи, впадающие в основное русло с правой стороны, в частности, в Псел. Кроме указанных двух названий она имела и третье – Ивлевка, происходящее от одной из коренных карташевских фамилий. Согласно «писцовой» книге Обоянского уезда 1684 года Карташевки еще не было, но в верховье Праворотского Колодезя была деревня Верхний Праворотский Колодезь, в списках жителей которой были Ивлевы, Салтановы и Суворовы. Около 1700 года однодворцы, носящие эти фамилии, основали деревню Нижний Праворотский Колодезь, она же Ивлевка, она же Карташевка.

Р.8. Вне рамок статьи остался целый ряд сел и деревень, относящихся к четвертному массиву. Они образованы были несколько позже и представляют собой вторичное и даже третичное отселение из ранее основанных. О них речь пойдет в другой раз.

Во имя преподобного Серафима

Истоки. – 2001. – 20 янв.

В январе 1903 года, через 70 лет после кончины Саровского старца отца Серафима, его причислили к лику святых. На 19 июля того же года, в день его рождения, назначалось открытие мощей. Значительная часть русского общества давно ожидала этого явления. Тысячи поклонников со всей России пошли и поехали в Тамбовскую губернию в Саровскую обитель.

Произошедшие события по-своему затронули и жителей хутора Плюшины. Еще ранее некоторые хуторяне загорелись желанием построить у себя церковь. Дело стояло только за тем, где найти деньги для строительства. Тем более что в хуторе имелись и свои мастера по воз-

ведению церквей. Но сами плющинцы могли изыскать только часть средств, требовалась помощь со стороны.

Особенно большую активность в этом вопросе проявлял 51-летний житель хутора Митрофан Иванович Дудинский. Много дум передумал он и предпринял различные действия, прежде чем рискнул взять паспорт «для выезда в разные города Российской империи». 30 сентября 1903 года ему выписали паспорт в Радьковском волостном правлении сроком на один год. Нам неизвестны все странствования Митрофана Ивановича, но в конечном итоге пути-дороги довели его до тогдашней российской столицы — Петербурга. Обстоятельства свели его там с протоиереем Александром Маляревским. Надо полагать, что обстоятельства не были случайными и скорее всего Дудинский имел при себе письмо к конкретному адресату. Назад он вернулся с «благотворительным» ответом.

Это воодушевило земляков, но денег все равно не хватало. И 13 июля 1904 года, за шесть дней до первой годовщины прославления Преподобного Серафима Саровского, в хуторе Плющины Радьковской волости Корочанского уезда Курской губернии собрался сельский сход. О сходе заранее было уведомлено уездное начальство и его проведение разрешено уездным земским начальником 2-го участка. На сход собралось 74 домохозяина, 12 отсутствовало «по болезни и в отлучке». Председательствовал на сходе сельский писарь Гончаров. Решался основной вопрос: «занять где укажет надобность 1000 рублей». Вероятно кредитор был заранее известен и «надобность указала» на вдову священника Юлию Андреевну Золотареву. Занимая деньги, люди знали, что именно столько не хватает до нужной суммы, необходимой для постройки церкви. Они обязывались через год вернуть долг и «ручались друг за друга круговой порукой». В конце протокола за самих себя и всех неграмотных «руку приложили» крестьяне грамотные: Федор, Василий и Гаврил Воробьевы, Наум, Гаврил и Василий Голубоцкие, Федор Дудинский, Яков Хлызин, а также Петр, Григорий и Василий Денисовы.

Через три дня после схода в Радьковском волостном правлении волостной писарь Городов выписал паспорта еще двум жителям Плющин: 50-летнему Дмитрию Перфильевичу Гокову и 48-летнему Пантелеймону Гавриловичу Воробьеву. Заверил паспорта волостной старшина Михайлюков. Д. Гоков и П. Воробьев наряду с Н. Дудинским являлись плотниками и строителями Серафимовской церкви. Паспорта они брали

также на один год. Это было связано уже с приобретением строительного материала.

В 1905 году церковь построили, но полная ее отделка завершилась только в 1907 году. С этого времени в ней начинает служить священник о. Иоанн (Стефановский). В должности он состоял до самой революции, а может и дольше, но об этом еще должны помнить старожилы хутора Плющины. Он же являлся и учителем в школе, которая была открыта в 1900 году, то есть еще до строительства церкви. В 1916 году в ней обучалось 28 мальчиков и 4 девочки. С 1907 года псаломщиком церкви являлся Василий Трифионович Кулабухов, а старостой с 1915 года — Пимен Никитович Городов.

Строительство Серафимовской церкви в Плющинах знаменательно тем, что совпало со временем прославления Преподобного Серафима Саровского, что, в свою очередь, определило выбор названия, помогло найти средства и в короткие сроки возвести храм.

Продолжение заселения района

Истоки. – 2001. – 21 февр.

Итак, продолжим разговор о населенных пунктах четвертного массива заселения, основанных в XVIII веке.

СЕЛО Призначное было образовано в 70-х годах XVIII века при Галичьей яруге на Призначной плоте. Призначной называли верховье Белой плоты, потому что она своей вершиной соседствовала со знаковым местом Муравского шляха, которым, по существу, являлась опушка произраставшего здесь дубового леса, простиравшегося от шляха вниз до яруг Галичьей и Красной. На крайних деревьях имелись зарубки, предназначавшиеся для указания маршрутов сторожевым разъездам. Знаки-зарубки были сделаны в 1572 году после организации общерусской сторожевой службы, в результате чего территория Прохоровского района вошла в 3-й сторожевой участок. От названия Призначной плоты получила название и образованная около нее деревня. Заселено Призначное было в основном из Подольхов, но были переселенцы и из Плоты. В 1811 году в ней находилось 16 дворов.

КРАСНОЕ – относительно молодой населенный пункт. Хутор Красный появился около 1830 года. За 20 лет своего существования хутор вырос в деревню и стал селом. Красное получило свое название от

Красной яруги, впадающей с правой стороны в Белую (Призначную) плоту в пределах хутора Долгий. Один из логов, который сегодня тянется от села Красного в сторону Желтой плоты, берущей начало от хутора Нива, назывался Черемошной яругой от произраставшего здесь дикого лука. Заселялось Красное в основном из сел Плоты и Новоселовка и немного из с. Казачьего.

САГАЙДАЧНОЕ основано было в 1794 году «по указу казенной палаты» и населено из села Подольхи. С начала основания и до строительства Покровской церкви в 1855 году Сагайдачное делилось на две самостоятельные деревни, имевшие сходные, но в то же время разные названия. Восточная часть современного села, где расположена школа, магазин называлась Сагайдачная плота, по одноименному логу, впадающему в Северский Донец с правой стороны, несколько ниже Подольхов. Сагайдачной называли плоту потому, что она свое начало брала от Сагайдачного шляха, названного так после походов гетмана Сагайдачного на Русь в первой четверти XVII века. В Прохоровском районе Сагайдачный шлях частично совпадал с более древним Муравским шляхом. В западной части современного Сагайдачного, при въезде в него со стороны Прохоровки, в том же 1794 году была населена деревня Сагайдачный верх. Такое название носил второй «рукав» Сагайдачной плоты.

ДЕРЕВНЯ Боброво основана была в 1792 году и сначала называлась Яруга Боброва, потому что находилась при Бобровой дубовой Яруге, в которой еще в XVII веке водились бобры. Боброво заселялось из Подольхов и Кураковки. Из Кураковки были переселены Ходыкины и Герасимовы. В 1809 году из Кураковки в Таврическую губернию «вышло» несколько семей Ходыкиных. Поэтому даже интересно, есть ли сегодня в Кураковке Ходыкины?

ДОМАНОВКА образована была не ранее 60-х годов XVIII века. В одном деле 1781 года она названа – «Домановы хутора», в другом, 1782 года – «деревня Малая Доманов тож». Происхождение названия связано с фамилией Домановых – основателей деревни. Заселялась она из сел: Верхнего Ольшанца, Новоотскочного и Подольхов. До построения своей церкви в 1878 году, постоянно состояла в приходе Покровской церкви Подольхов. В 1811 году в Домановке было 24 двора, а в 1902 году - 65 дворов.

ДЕРЕВНЯ Гнездиловка основана была в первой трети XVIII века. Уже в 1702 году, в пределах тогда еще не существовавшего хутора

Черновки, при впадении Белого колодезя в Северский Донец, указывается мельница Гнездилова. В 1762 году в Гнездиловке было 14 дворов. Населялась она из села Верхнего Ольшанца. В то время в ней было фактически четыре фамилии: Гнездиловы, Телепневы, Тюфановы и Шляховы. Гнездиловкой ее назвали потому, что еще в XVIII веке здесь получил поместьную землю сын боярский Гнездилов.

ПРАВОРОТЬ населена была около 1780 года. В 1783 году она пишется – «новопоселенная деревня Праворотная». Свое название деревня получила от расположения на местности: при небольшом логе, впадающем с правой стороны в левый «отвершок» Сажного Донца. «Отвершками» назывались, как правило, небольшие лога и ярки, впадающие с боков в основное русло при ее вершине. В 1811 году в Правороти было 10 дворов. Заселялась она из Жимолостного, Малояблоново и Шахово.

СЕЛЮ Новоселовка основано в период между 1762 и 1782 годами, но более вероятней – в 70-е годы. Основной костяк ее переселенцев был из села Плоты, другие были из сел Казачьего и Новоотскочного. Новоселовка быстро разрасталась. Уже перед войной 1812 года в ней построили церковь и сюда переместился центр прихода из села Плоты, где церковь в это время сгорела. Церковь строили ускоренным темпом, поэтому через 40 с небольшим лет, в 1853 году, построили новую церковь. Располагалась Новоселовка при впадении Желтой плоты в Белую. В 1811 году в ней было 116 дворов.

ВЯЗОВОЕ образовано около 1740 года. Около 1745 года в ней была построена деревянная Николаевская церковь. Почти через сто лет вязовцы построили каменную церковь. Деревня Вязовое основана была при логах, в поймах которых росли вязы. Первыми ее поселенцами стали однодворцы сел Свинца и Орлянки, сегодняшних Мантуровского (Тимского) и Солнцевского районов Курской области. До 1782 года эти села входили в древний Корочанский уезд, в который по 1796 год входило и село Вязовое. В 1779 году в нем было уже 102 двора.

МАЛЫЕ Маячки основаны были в начале 1780-х годов в верховьях Грязной плоты, впадающей в Псел. Откуда заселялось, пока не установлено. Название места – Маяки-Маячки, от которого потом была названа деревня, связано еще с временами станично-сторожевой службы. Между верховьями Грязной плоты и Крутой яруги, впадающей в Сухую плоту Липового Донца, находится высотное место. В XVII веке и ранее на нем росли отдельные мощные дубы. В условиях открытой

местности дубы-маяки были далеко видны с обеих сторон Муравского шляха. Использовались они и как посты наблюдения.

P.S. В четвертной массив входило еще много хуторов и некоторые деревни. Но материал по всем хуторам Прохоровского района, относящимся к разным массивам заселения, будет предложен вашему вниманию в следующий раз.

Экономические крестьяне

Истоки. – 2001. – 14 марта.

Еще в 1626 году, наряду с четырьмя станами, в Белгородском уезде была и одна волость, которая называлась посопной (пособной, помогающей). В нее входили такие современные села Корочанского района, как Заячье, Ломов, Новая Слободка, Мазикино и Алексеевка (Коренская). К истории Прохоровского района они имеют почти прямое отношение, так как жителями этих населенных пунктов образовано несколько сел и хуторов района.

Крестьяне посопной волости, говоря современным языком, специализировались на выращивании хлеба для государства. В 1667 году по челобитью митрополита Белгородского и Обоянского Михаила перечисленные села были переданы в церковное владение. В екатерининское время в результате так называемой секуляризации, когда часть церковной и монастырской собственности изымалась, были возвращены государству. Указом от 24 февраля 1764 года они передавались в непосредственное ведение коллегии Экономии и стали называться их жители экономическими крестьянами. Соответственно, населенные пункты, основанные ими, можно объединить под общим названием – экономический массив заселения.

В нем было две категории жителей. Первые – выходцы из Велико-россии – экологические крестьяне, вторые – выходцы из Поднепровья (Малороссии) – «черкасы», которые в данном массиве назывались экономическими малороссиянами. Земельные владения экономического массива соседствовали с землями войскового и четвертного массивов. История заселения экономического массива в Прохоровском районе в какой-то степени родственна заселению войскового массива. Также, как после расформирования слободских полков, в 1765 году начинается расселение войсковых обывателей» так и перевод крестьян посопной

волости из церковного управления в государственное явился своего рода толчком к расселению экономических крестьян и малороссиян. Территория массива в районе частично занимает площадь между верховьями рек Северского Донца и Кореня и заходит за трассу Прохоровка – Скородное.

Рассматривать поселения массива начнем в направлении с юга на север. Первым в этом ряду стоит хутор Клиновый. Образован он был в первой четверти XIX века экономическими малороссиянами из слободы Алексеевки (Коренька). Вначале хутор состоял в приходе Дмитриевской церкви села Подъяруги. После постройки Крестовоздвиженской церкви в слободе Пестуновой был переведен в ее приход. В 1916 году в Клиновом было 46 дворов. Название хутора, вероятно, идет от зеленого клина, на котором он был основан, расположенного при урочище Козинец (Козинак).

При этом же урочище находился и хутор Большой Козинак (Большое), населенный в начале 1780-х годов экономическими малороссиянами слободы Алексеевки (Коренька). Он также вначале состоял в приходе церкви села, Подъяруги, а затем в церкви слободы Пестуновой. В 1880-х годах хутор находился в составе Новослободской волости. В 1916 году в нем было 119 дворов, но, несмотря на это он назывался хутором. Интересно происхождение его названия. В пределах села Большого близко сходятся вершины двух логов, имевших в древности несколько родственные названия. Это Большая Яруга, впадающая в Северский Донец, в низовьях которой расположено село Подъяруги, и Большой Козинак, впадающий в реку Корень. При вершине Большого Козинака и был основан одноименный хутор. Во второй половине XIX века его название упростилось и стало таким, каким оно известно сегодня. Второе слово названия Козинак – Козинка – Козинец – производное от слова «казистый», что означало «видный, красивый». Сегодня в русском языке известно слово с противоположным значением – «неказистый».

Следующее поселение массива – село Донец (Дубочки), основанное при отвершке Северского Донца экономическими крестьянами села Ломово в начале XIX века. Второе название – Дубочки связано с тем, что отвершок был заросший дубом. В 1885 году в Дубочках было 49 дворов и в том же году два двора сгорело. В 1911 году в Донце построили Варваринскую церковь, которая стала предпоследней в Прохоровском районе, возведенной перед революцией.

Севернее Дубочков располагался другой хутор – Донецкий (Гагаринский тож), который первоначально назывался еще и Новым Донецким. Находился он при другом отвершке Северского Донца и населен был в первой четверти XIX века экономическими крестьянами из села Заячьего. Современное название Гагарино утвердилось уже в XX веке, хотя пока еще не установлено, с кем оно связано. В конце XIX века среди гагаринцев не было фамилии Гагариных, но по словам С.Д. Солдаткина до сих пор сохраняется уличное (дворовое) прозвище Гагариных.

В 1796 году разгорелся спор между подольшанскими однодворцами и экономическими крестьянами и малороссиянами села Заячье и слободы Кореньки за урочище Лисички. Кореньские жители предъявили «выпись» из жалованной грамоты, по которой следовало, что урочище было пожаловано Белгородскому Никольскому монастырю еще в 1703 году. И они, как бывшие монастырские крестьяне, имеют на нее полное право. Подольшанцы же, якобы, незаконно отдали эти земли «в наем для пастьбы скота белгородскому купцу Набатову». В 1796 году хутора Лисички еще не было. Населен он был в 20-х годах XIX века крестьянами и малороссиянами села Заячьего и слободы Алексеевки. Название урочища пошло от обитавших здесь в больших количествах лисьих выводков. В 1885 году на хуторе 15 дворов, в 1902 — всего 17.

Село Плющины основано в начале XIX века крестьянами сел Заячье и Ломово. Название села идет от названия урочища. По документам XVIII века оно называлось «урочище Северских Донецких верхов Плющины тож». Наиболее вероятно, что название урочища произошло от возможно произраставшего здесь растения с ядовитыми ягодами – плюща. Но могла быть и другая причина. В древнерусском языке было слово «плющить», производным от которого в современном русском языке сохраняется слово «приплюсовать». В 1905 году Плющины стали селом в результате постройки Серафимовской церкви. В 1916 году в нем было 96 дворов.

Хутор Зарницы до 70-х годов XX века назывался Коростовкой. Самое первое его название – Коростовый. Образован он был в середине XIX века крестьянами села Заячье. В 1862 году в нем было всего четыре двора, а в 1902 – 22. Название хутора связано с болезнью лошадей – коростой. Больных лошадей отделяли от основного табуна и содержали в определенном месте, за которым со временем закрепилось название – Коростовое. И это не единичный случай. Житель деревни Муравки

Губкинского района в 1992 году рассказал мне, что Муравка тоже вначале называлась Коростовкой именно по такой причине.

Хутор Мочаки-1 также принадлежит к этому массиву заселения. Образован он был в середине XIX века. Современное его название связано с солончаковым характером местности. Правда, первоначально и он не избежал участи быть названным несколько иначе, чем сегодня. И название, можно сказать, звучало лихо, по-боевому – хутор Куцый, что значило «откушенный». На протяжении 30 лет он оставался маленьким хуторком. В 1885 году в нем было всего 6 дворов, возможно, еще и поэтому он имел такое название. Мочаки стали разрастаться в конце XIX и в начале XX веков. В 1916 году на хуторе было уже 46 дворов, он состоял в приходе села Плющины. Основная масса первопоселенцев хутора была из слободы Алексеевки (Коренька).

Кривые Балки основаны в первой четверти XIX века экономическими крестьянами села Новая Слободка. Кривыми балками назывались отвершки лога Кривого, от которых и получил название образованный хутор. Но имел он и второе название – Королевка, происхождение которого пока не выяснено. В 1885 году на хуторе было 57 дворов. В 1884 году в результате пожара сгорел хуторской кабак.

Хутор Широкий образовался в первой трети XIX века крестьянами и малороссиянами села Новая Слободка и слободы Алексеевки (Коренька). Название получил от урочища Широкого. В 1885 году в нем было 25 дворов.

При урочище Широком находилось еще два хутора – Грачевка и Храпачевка. Оба хутора населены не позднее 30-х годов XIX века крестьянами сел Ломово и Заячье. Кроме характерных признаков местности и фамилий первопоселенцев основой названия населенного пункта мог стать, например, курьезный случай. В XIX веке такое могло произойти. И случай представился.

Поселенцами новообразованных хуторов становились, как правило, молодые крестьяне. И вот один такой молодой хуторянин погнал в «ночное» лошадей. На утренней заре он крепко заснул, а лошади зашли в посеvy соседней деревни Бобровой. Житель деревни, рано утром выехавший в поле на работу, увидев пасущихся в посевах лошадей, пошел их выгнать и за одно сделать внушение незадачливому пастуху. Уже на некотором расстоянии он услышал разносившийся над полем храп. Пастух не только не реагировал на окрики, но и продолжал храпеть. Эта история дошла до сел Заячьего и Ломово. Поэтому, когда из них

отряжался новый поселенец и его спрашивали, на какой хутор он выселяется, тот отвечал: «К Храпачу».

22 августа 1992 года на бывшей прохоровской автостанции пожилой житель Храпачевки Присухин рассказал мне эту историю. Думаю, что она правдоподобна, потому что первоначальное название хутора – Храпачев. В 1885 году в Храпачевке был 31 двор.

С 1838 года, когда Коллегия Экономии была передана в Министерство госимущества, экономические крестьяне и малороссияне стали называться государственными крестьянами. Категория государственных крестьян нивелировала разноликую историю прохоровских поселений, так как в нее, кроме экономических крестьян и малороссиян, вошли бывшие однодворцы четвертного массива и войсковые обыватели.

«Игорь мыслью поле мерит...»

Истоки. – 2001. – 8 мая

Много еще географических тайн хранит «Слово о полку Игореве». И одна из них связана с термином «малый Донец». В героической песне не указаны его координаты. Для автора не это было главное. Суть поэмы заключается в призыве к объединению Русской земли. Но как бы ни был высок символ, он связан с людьми. И для нас, наверно, не совсем безразлично осознавать причастность нашей местности к тем, скрывшимся за веками, событиям русской истории.

Находясь в половецком плену, новгород-северский князь Игорь Святославович многократно обдумывал возможные пути своего побега. Автор «Слова» говорит об этом следующее: «Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца». Что имел в виду древний автор под выражением «великий Дон», нам неизвестно, как и под выражением «малый Донец». Но малым Донцом не назовешь Северский Донец, хотя именно такая ассоциация первоначально возникает при чтении этой строки из «Слова». Если же это не Северский Донец и не поэтическое иносказание, тогда речь должна идти о конкретном речном водоеме, а проще говоря, о какой-то речке. Конечно, автор не мог под «великим Доном» подразумевать низовья или скорее среднее течение Северского Донца (его излучину, находящуюся в пределах современной Харьковской области Украины), а под «малым Донцом» – его верховья. Только князь-пленник думал все же о конкретном ориентире. И ориентир этот

в любом случае находился в верховье Северского Донца. Им мог быть один из его притоков.

Из верховных притоков обращает на себя внимание названием Сажный Донец. Оно вроде бы понятно, хотя не так определенно, как, скажем, название Липового Донца. С этим все ясно, что свое название он получил от произраставших в его пойме лип. Документы XVII и начала XVIII веков содержат сведения о существовании на Липовом Донце нескольких липовых лесков-липягов, располагавшихся в ярках (ериках) по его правому берегу. Однозначно так не скажешь по отношению к названию Донца Сажного. Некоторые краеведы связывали его происхождение со словом «сажа». Сажный в таком случае означал «темный, черный» Донец, возможно, илистый.

Не отвергая эту точку зрения, хотелось бы предложить другую, как более реалистичную, связывающую название Сажного Донца со словом «сажень». Сажень – старинная и в то же время современная русская мера длины. Этимологический словарь Н. Шанского объясняет слово, как общеславянское и производит его от древнего исчезнувшего слова «сяг», означавшего «расстояние, на которое можно шагнуть». Нетрудно заметить, что производным от этого древнего слова является и слово «шаг». Таким образом, слова сажень и шаг родственны своим происхождением. Поэтому Сажный Донец можно назвать еще и шаговым Донцом, что значит нешироким, небольшим. Короче говоря, этимологически Сажный Донец правомочно назвать Малым Донцом.

Тогда, даже не зная исходного места побега, но зная предварительную цель его, – малый Донец, можно, немного перефразируя строку, сказать: «Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до Сажного Донца». В реальности же, вероятно, этот маршрут мыслился от упомянутой выше излучины Северского Донца до Сажного Донца. По схеме белгородского краеведа А.Д. Жучкова сама битва состоялась в излучине, недалеко от озера Лиман, которое в «Слове» называется морем. Там же, в каком-то становище, и содержался в плену князь. И оттуда «... побежал к излучине Донца...».

Игорь не случайно думал о малом Донце. Малый или Сажный Донец – это была уже русская земля, владения древнего Путивльского уезда или Рыльского княжества. Конечно же, он знал, что встретит путивльских «севрюков», которые занимались здесь бродяжничеством, рыболовством и промыслом пушного зверя. Добравшись до Сажного Донца, он мог считать себя почти в безопасности.

Хутора Белогорья, или Дорога в прошлое

Истоки. – 2001. – 18 июля.

Прежде чем начать рассказывать о хуторах и деревнях войскового и четвертного массивов заселений, необходимо остановиться на вопросе определения статуса населенного пункта. До революции в России он определялся наличием или отсутствием церкви, как главного фактора.

Деревня, сельцо, хутор или слободка не могли стать селом или слободой до тех пор, пока в них не была построена церковь. После революции это правило было ликвидировано. Деревню называли селом уже после нескольких лет существования в ней сельского совета. Потом стали статус села присваивать деревне, если в ней находилась центральная усадьба колхоза. Конечно, на этот счет могут быть различные мнения. Кто-то может связать это с наличием в населенном пункте школы. Но тогда может возникнуть вопрос о том, какой школы: начальной, средней или неполной средней? Вероятно, дореволюционная формулировка статуса была наиболее выражающей, а, согласно ей, некоторые поселения района не совсем правомочно называются селами.

Но это ни в коей мере не относится к бывшему хутору Радьковской волости – Гусек-Погореловке. В 1913 году, за год до начала первой мировой войны, в нем была построена Покровская церковь. Она стала последней среди церквей, построенных на территории района до революции. Образование Гусек-Погореловки родственно образованию многих поселений района. В 1794 году в Корочанском уездном казначействе регистрируется Погореловское сельское общество. Войсковые обыватели этого общества, продолжая жить в слободе Погореловке (ныне Корочанский район), приписывались к землям при урочище Гусек, там, где сегодня расположено село Гусек-Погореловка. Не менее 20 лет здесь был «летний» хутор, потом его заселили, таким образом, возник хутор с уже постоянно проживающим населением. Название «Гусек-Погореловка» включает в себе место, откуда она населялась (слободу Погореловку), и место, где была основана (урочище Гусек). В 1873 году хутор подвергся большому пожару, сгорело сразу 20 дворов. В 1885 году в нем было 76 дворов.

Похожее название получил и хутор, образованный в верховье речки Журавки – Свино-Погореловка. Более кратко он назывался Свиной, а на украинском диалекте – Свинячий. В 70-х годах XX века по этическим понятиям хутор получил новое название – Перелески, в результате чего было утрачено историческое название.

Еще во времена царствования Анны Иоанновны для прогона больших стад скота стали назначаться определенные дороги. Знаменитый Муравский шлях, повидавший на своем веку многочисленные воинские рати, был местами превращен в дорогу, «по которой торговые люди скотину гоняют». В это время начинал набирать силу купеческий капитал. Белгородские, курские и орловские купцы весной формировали стада крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней. С началом травяного покрова стада выгонялись на откорм. И если рогатый скот и лошади откочевывали от «торговой дороги» на большие расстояния, то свиные пастбища находились неподалеку от нее. Одно из них располагалось в отвершках речки Журавки, в пределах и окрестностях современного х. Перелески. До того, как образоваться хутору, в 40-х годах XIX века, место уже не один десяток лет называлось Свиное. А первыми хуторянами стали отселенцы из все той же слободы Погореловки. Отчего и хутор стал называться Свино-Погореловка.

Километрах в трех севернее речки Журавки в Донецкую Сеймицу впадает лог, который в середине XIX века тоже назывался Гуськом, но расположенный на нем хутор носил название Химичев. С давних времен лог назывался Черным колодцем, а в XVIII веке его стали называть Фомичевым. Возможно Фомичев был сыном боярским из Пристенного или Вихровки. Пока это не установлено. После того, как землями завладели войсковые обыватели, они стали произносить название несколько иначе – Хомичев – Химичев. Хутор долго оставался в ранге «летнего», но к 40-м годам XIX века стал постоянным населенным пунктом. Населен он выходцами из слободы Бехтеевки (Корочанской).

Недалеко от хутора Химичева располагается х. Сеймица, основанный в 40-х годах XIX века. В течение 20 лет он оставался хуторком в несколько дворов. Разрастаться начал в 60-х годах и к 1885 году в нем был уже 41 двор. Половина поселенцев Сеймицы была из слободы Кощеевой, другая половина, уже вторичным отселением, – из слободы Коломыцевой. Название свое несет от речки, у которой был основан.

Еще с 1790-х годов рядом со слободой Журавкой находился х. Гусынка, получивший название от одноименной речки. По всем дорево-

люционными документам он проходит в единственном числе, без дополнения к названию в виде прилагательного Верхняя или Нижняя. Поэтому можно заключить, что разделение х. Гусынки на два отдельных хутора произошло не ранее 20-х годов XX века.

Хутор Бехтеевка (Бехтеевский) основан около 1830 года переселенцами из одноименной слободы. Хутор Камышевка образован около 1840 года выходцами из слободы Бехтеевки (Корочанской). Располагался он при урочище Гусек. Название получил от вторичных признаков местности.

Фактически в одно время с Камышевкой был населен х. Высокий переселенцами из все той же Бехтеевки. Основан при Высокой яруге, отчего и получил название. Яруга впадала и впадает в Сагайдаченскую плоту.

Хутор Дубовый основан в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века государственными крестьянами слободы Коломыщевой. Место образования хутора истари называлось Дубровкой. Еще в 1702 году оно указывается среди ориентиров сенных покосов однодворцев села Ольховатого (Подольхи). Дубовая роща (Дубровка) располагалась в одном из ярков, впадающем в Гусек с западной стороны. В 1916 году на х. Дубовом было 10 дворов.

Хутор Таранов образован не позднее 20-х годов XIX века, в основном выходцами из Войсковой слободы г. Корочи.

Располагался он при Тарановой балке (Таранов колодезь), в свою очередь названной по фамилии войскового обывателя. В 1885 году в хуторе было 22 двора.

Аналогично образование и х. Глушки, но возникновение его названия несколько замысловатей чем х. Таранова. Дело в том, что Глушки — это переименованные Голушки. Не один корочанский казак, а потом войсковой обыватель, носили фамилию Голушкин. Именно с этой фамилией и связано название хутора. Глушки (Голушки) основаны также около 1830 года переселенцами Войсковой и пригородных слобод. В 1885 году на хуторе было 15 дворов.

Хутора Соколовка, Цыгулев, Басенков, Борисов, Гаюры, Кудрин, Вершина, Кожанов, Кугутки, Широкий (коломыщевский) и Новоселовка (коломыщевская) образованы были уже после столыпинской реформы и во время НЭПа. Название семи из них связано с фамилиями основателей. С названиями таких хуторов, как Вершина, Широкий и Новоселовка, вроде бы все понятно. Гаюры и Кугутки — украинского проис-

хождения. Из которых первое аналогично русскому «буерак» (овраг), только во множественном числе. Кугутки производны от слова «кугут», означающего замкнутого, склонного к уединению, человека. Вероятно, такое прозвище носил основатель хутора.

Все вышеперечисленные хутора и село Гусек-Погореловка по нашей классификации относятся к войсковому массиву заселения за исключением, быть может, Вершины и Борисова. Они могли населиться и из четвертного массива, о населении которого пойдет речь далее.

Возвращаясь к строчке из документа 1734 года, где говорится о дороге, «по которой торговые люди скотину гоняют», остановимся на истории происхождения хутора Думного. С момента основания (около 1840 года) хутор имел два названия. Одно из них остается за ним и сегодня и связано с названием Думчегго кургана, около которого он расположен. Другое утрачено опять же по этическим понятиям, так как оно дополняло тему происхождения х. Свиного. Летние свиные пастбища были не только у х. Перелески, но и у х. Думного (в гусынских отвершках), поэтому он параллельно назывался еще х. Вонючий. Основан хутор был государственными крестьянами сел Шахово и Жимолостного и деревни Правороть. В 1885 году в нем был 21 двор, и он относился к Подольшанской волости.

Хутор Пригорки (переименованный х. Псинка). Основан не позднее 40-х годов XIX века выходцами села Псинки (ныне село Ракитинка Пристенского района Курской обл.). Переселенцы перенесли название своего села на новообразованный хутор. А село Псинка получило свое название от небольшой речушки Псинки, впадающей в Псел. Речка же названа в ласково-грубоватой форме из-за своей мелковатости.

Верхняя Ольшанка основана однодворцами из села Верхняя Ольшанка Обоянского уезда (ныне Пристенский район Курской обл.). Образование его можно отнести к рубежу XVIII и XIX веков, хотя он наверняка старше. Еще в 1774 году однодворцы села Шахово указывали, что на их земле в устье Липового лога однодворец Надеин из с. Ольшанка незаконно основал хутор. Но как самостоятельная административная единица хутор не показывается. С такой исторической деталью пришлось столкнуться не единожды. Это затрудняет определение точной даты основания населенного пункта.

Средняя Ольшанка образована выходцами из села Средняя Ольшанка Обоянского уезда (ныне Пристенский район) не позже 30-х годов XIX века. Он также назывался Запсельским.

Деревня Суворово — переименованная «деревня Малая Псинка Приютовка тож». Основана в конце XVIII века однодворцами села Псинка (Ра-китинка), деревни Верхнего Праворотского Колодезя и тогда еще деревни Карташевки. Современное название получила по преобладающей в ней фамилии. Пока неизвестной остается достоверная причина, по которой Малая Псинка была названа еще и Приютовкой. Наверное, в деревне имеется местная легенда, объясняющая ее.

Сторожевой образован переселенцами из села Малояблоново в 70-х годах XIX века. Располагался он при Сторожевой яруге, впадающей в Сажный Донец и названной так еще в XVI веке. В 1902 году на хуторе было шесть дворов, из них пять дворов — Кривчиковых и один — Шевцовых.

Хутор Шипы основан не позднее 1770-х годов однодворцами сел Казачье, Новоотскочное и Верхний Ольшанец. В 1885 году там было 27 дворов, по происхождению его жителей он именовался деревней. По данным на 1998 год на хуторе не осталось ни одного жилого двора. Свое название Шипы получили от расположения на местности. Там Белая Плота и Северский Донец образуют своего рода мыс, который еще с XVII века назывался Шипом, то есть острым.

Черновка основана между 1795 и 1811 годами однодворцами села Верхний Ольшанец (ныне Яковлевский район) и тогда еще деревни Авдеевки. Причем, четыре двора были из Верхнего Ольшанца и пять — из Авдеевки. В 1816 году на хуторе стало 10 дворов, из которых пять — Черновых (Черных) и пять — Шляховых. Хутор получил название по первой фамилии, потому, что еще с XVII века земля эта принадлежала однодворцам Черновым, пожалованная их предку, сыну боярскому Чернову, около середины XVII века.

Плоский и Долгий образованы в 60-е и 70-е годы XIX века. Названия получили от одноимённых яруг, впадающих в Белую (Призначную) плоту с левой стороны.

Хутор Березник основан в 70-е годы XIX века. В 1916 году в нем было 12 дворов.

Высыпной несколько старше и основан не позже 40-х годов XIX века выходцами из Сагайдачного. Располагался он при урочище Высыпном, от которого и получил название. В 1885 году на хуторе было 26 дворов, заново обустроенных после пожара 1873 года, в результате которого сгорело все селение. Вероятно, 1873 год был засушливым, с

сильными ветрами, почему в тот год и произошло много пожаров на территории Прохоровского района.

Хутор Хороший образован в 80-е годы XIX века выходцами из села Домановка. Название получил по названию лога, при вершине которого был основан. В 1902 году там было 19 дворов.

Хутор Зеленый (не Нива), в котором сегодня три двора, основан в конце XIX века. Название получил от располагавшегося поблизости Зеленого кургана.

Студеный образован в 60-е годы XIX века государственными крестьянами села Толстая Дубрава (Толстое). Первоначально он так и назывался х. Толстенский. Современное название несет от Студеной дубравы, которая, в свою очередь, названа по студенным родникам.

Царьков основан в 70-е годы XIX века выходцами из села Корочки (Губкинский район). Название связано с фамилией первопоселенцев или с фамилией служилого однодворца, который мог получить здесь землю еще в начале XVIII века.

Жилин образован в 60-е годы XIX века государственными крестьянами сел Толстое и Корочка. В 1873 году на хуторе было 25 четвертных домохозяев (имели землю на правах частной собственности), из которых только двое носили фамилию Жилины. Зато один из них имел земли несколько больше других. С 1873 по 1880 годы на хуторе добавилось семь домохозяев.

Хутора Ясная Поляна (вязовская), Мочаки (домановские), Горелинка, Виноградовка, Ольховатский (карташевский), Ясная Поляна (беленихинская), Озеровский, Калинин и Петровский (лучковский) образованы были во времена столыпинской реформы и НЭПа. На территории района основание населенных пунктов по указанным реформам произошло в 1911–1913 годах и в 1923 – 1925 годах. Из этих хуторов несколько экзотично для нашей местности название х. Виноградовки. Причина его происхождения пока неизвестна. И еще один хутор из этих последних обращает на себя внимание своим названием. Со слов его уроженца Михаила Яковлевича Стрельникова, х. Горелинка получил свое название от выгоревшего участка леса.

Загадочное название реки Сейм

Истоки. – 2001. – 29 сент.

Сейм – река не прохоровская, но берет начало в соседнем Губкинском районе и своим бассейном, через Донецкую Сеймицу, захватывает и территорию Прохоровского района. Поэтому ее можно отнести к сфере районных краеведческих интересов.

Не единожды, при поездке в Курск, наблюдая из окна вагона пейзаж Сейма и его шириной поймы, приходилось задаваться вопросом: почему все же река получила такое название?

Кандидат исторических наук, сотрудник НИИ краеведения Белгородского государственного университета Н. Болгов относит его возникновение к скифо-сарматскому времени и считает, что оно произошло от древнеиранского корня «сиама», означающего «черный», «темный».

Черный, темный – от чего? От речной глубины или от черного (лиственного) леса, обильно произраставшего тогда по его берегам, или же от черноземных почв, которые никуда не делись и сегодня? Тьма веков укрывает ответ на этот вопрос и на другой: как черная «сиама» стала Сеймом, современное название которого по своему смыслу не имеет к прилагательным – черный и темный – никакого отношения.

Слово «Сейм» польско-прибалтийского происхождения и, как утверждают этимологи, в начале XVIII века было заимствовано русским языком. В переводе оно буквально означает «собрание». Заменим современное название русским переводом и получим – река-собрание. Интересно, собранием чего она являлась: своих притоков, земель бассейна или какого-то древнего народа? Исторических свидетельств на этот счет нет, а понять это из современного значения слова «собрание» также затруднительно, как и из названия самого Сейма. Но не будем забывать, что многие, хорошо известные нам сегодня слова, имели несколько иное смысловое наполнение в прошлом. К примеру, то же «собрание», образованное по типу таких слов, как собрат, соотечественник, современник, только несколько ранее, возникло из слова «брань» - со-брань, совместная брань, то есть сражение. Исходя из этого первоначального значения слова «собрание», можно предположить, что название Сейма произошло от частых сражений, происходивших на его берегах. Подтверждением такого предположения является то, что один

из правых притоков Сейма, протекающий вблизи Курска, носит название Рать.

Но на данном предположении нельзя остановиться потому, что, как сказано выше, слово «Сейм» заимствовано русским языком только в начале XVIII века. В Московской Руси Сейм назывался просто Семь. Документы прошлых веков, даже касательно территории Прохоровского района, пестрят такими названиями: «Донецкая Семица», «семицкий лог», «семицкая дорога» и так далее.

Как видим, в основе великорусского названия лежит слово «семь». Это не число, как может на первый взгляд показаться, которое в древнем русском языке называлось «седмь» (седьмой, седмица).

В старых восточно- и южнославянских языках существовало самостоятельное слово «семь», внешне похожее на великорусское название реки и означавшее «работник, слуга, домочадец». Все эти три современных значения слова не дают информации к объяснению происхождения названия реки. Зато они дают ясно осознать, как все же далеко ушел русский язык от своей древней основы. Всего несколько веков назад работник, слуга и домочадец могли коротко сказать: «Я – семь». И это, без каких-то переводов, было понятно их современникам. Если в этом выражении сделать словесную перестановку, а такая перестановка произошла и в исторической действительности, то получается уже вполне знакомое нам слово – «семья». Кстати, этимологи целиком и полностью выводят возникновение его из того древнего слова – «семь». Поистине удивительна архитектура языкового здания, и в его лабиринтах старорусское слово «семь» должно стать ключем и к раскрытию смысла названия реки Сейм (Семь). Тем более, что на Руси она и сама называлась Семью. И, как говорится, в обозримом прошлом нет больше слова, с помощью которого можно было бы докопаться до корней, произрастивших название этой русской реки.

Слово «семья», как производное от той же основы, может помочь нам в производимом исследовании. Нетрудно заметить, что оно образовано по тому же правилу, как и названия многих государств мира, когда отдельный представитель народа называл себя именем всего народа: народ Росс – «Росс-я» – Россия, «Прусс-я» – Пруссия, «Герман-я» – Германия и так далее. Можно допустить в таком случае, что, помимо уже известного нам значения слова «семь», только еще в более глубокой древности, так могло именоваться племя, проживавшее в бассейне реки, впоследствии названной их племенным именем.

Но это только собственные наблюдения, которые необходимо подкрепить или опровергнуть с помощью научных доводов. Этимология – наука, представляющая раздел языкознания и занимающаяся исследованием происхождения слов, объясняет, что любой язык не появился сам по себе, а вышел из одного или нескольких более древних и в процессе времени взаимодействовал с соседними языками. Поэтому она, при поиске изначального корня слова, обращается к другим языкам и ищет в них родственные изучаемому слова, конечно же, по строго соответствующим правилам.

Придерживаясь исходного слова «семь», из которого произошло слово «семья», составитель этимологического словаря Н. Шанский и его творческий коллектив в литовском языке называют родственное слово «шейма», в переводе на русский означающее – семья. Кроме того, что русское и литовское слова имеют одно и то же смысловое значение, они еще созвучны и по произношению. В уже исчезнувшем готском языке указывается слово «Хаймс» – «деревня» и в древневерхненемецком – слово «Хейм» – «родина». Находим, что последнее наиболее близко по произношению к названию Сейм.

Сопоставляя теперь предположения о существовании племени «семь» и доводы науки, что название Сейма через древневерхненемецкий язык означало «родина», можно сделать вывод о названии реки: Сейм – родина племени «семь». Судя по названию, племя не славянское. Славянским свойственны были окончания: -яне, -ичи (поляне, вятичи). Названия, оканчивающиеся на мягкий знак, принадлежали балтам и финнам. Известны финские племена: чудь, весь, меря (мер-я). Из балтийских племен, проживавших на территории Руси, история донесла до наших дней название только одного племени – голядь. Их родиной был бассейн реки Протвы, протекающей в современных Московской и Калужской областях. О племенах Посемья сведений нет. Но выводы нашего исследования подтверждает академик М. И. Артамонов, утверждающий на основании археологических исследований, что Сейм издавна был заселен балтскими племенами.

Итак, Сейм – родина племени «семь» и в то же время пограничная река, на которой происходили частые сражения. С кем воевали «семьяне» (не семиты) за свою землю, когда еще даже не было Киевской Руси? Как известно, в VII веке новой эры, то есть всего 1300 с небольшим лет назад на развалинах Тюркского каганата образовалось феодальное государство – Хазария (Хазарский каганат). В его состав входила и

часть территории современной Белгородской области (юго-восточные районы, по реку Корочу включительно). Прохоровская же земля, как частично входившая в бассейн Сейма, являлась по существу пограничным рубежом между русскими балтскими племенами и хазарами.

Через пять веков после тех сражений русский князь Игорь Святославович, пройдя со своими полками последние сеймовские и верхнепсельские курганы, именно по отношению к Посемью произнес ставшую знаменитой фразу: «О Русская земля! уже ты за холмом!»

Штрихи к истории Прохоровки

Истоки. – 2001. – 11 дек.

С конца зимы 1887 года в Прохоровке развернулась кампания по переименованию пристанционного хутора Разбойного в Александровский.

По другому это мероприятие назвать нельзя. Событию местного уездного уровня придавалось значение государственного. Организаторами затеянного выступали местные купцы. Особенно усердствовал в этом купец Иван Федорович Алексеев, всего несколько лет назад появившийся в Прохоровке.

Во время масленицы, прямо на базарной площади, он организовал сход и, обратившись к людям, сказал, что нужно не просто переименовать хутор, а назвать его именем царя – Александра III. Для этого необходимо послать «ходовоков» к нему и испросить личного согласия.

С одной стороны, от такого призыва веяло глубиной русской древности, а с другой – содержало элементы провокации. Хорошо, что царь был далеко, а то могли бы пойти за согласием «крестным ходом». В общем, Иван Федорович в большой степени обладал чувством авантюризма.

В царствование Александра III принимались различные меры по умиротворению народа, в хорошем смысле этого слова. Затея с переименованием попала в русло миротворческих мер, так как название хутора выглядело отнюдь не мирно. Часто на бытовом уровне хуторян называли разбойниками, что кому-то могло не нравиться. Тем более, что контингент жителей был не крестьянский, а мещанско-купеческий.

Чтобы придать видимость общенародного мнения, в Петербург вместе с Алексеевым поехали не его братья по сословию, а двое крестья-

ян: Чернов Семен Максимович из хутора Лутово и Маслов Афанасий Федотович из хутора Масловки. В идее переименования прохоровский «торговый люд», в первую очередь, преследовал коммерческие цели.

Особенно это видно на примере самого Алексеева. Вскорости, после возвращения из Петербурга, он открыл в Прохоровке первую железно-скобяную лавку, наладил поставку промышленных товаров из северной столицы и не только. Вся округа пользовалась самоварами, купленными у Алексеева. Его дела пошли круто вверх, параллельно с увеличением капитала. К 1907 году, по стоимости движимого и недвижимого имущества, Иван Федорович стал самым богатым человеком в Прохоровке. Но через десять лет, в 1917 году, ему пришлось все бросить и бежать с «белыми». Его дом, с 1918 года, занимали службы Наркомпрода...

По существу, по тем временам разрешения на переименование не требовалось не то, что из столицы, но даже из губернии. Для этого было достаточно полномочий уездной власти и средств земского фонда, но при условии наличия объективной причины, которой в принципе не было.

Ситуация развивалась следующим образом. С начала 70-х годов XIX века в прохоровских пределах оказалось два хутора Разбойных. Первый, или старый Разбойный, основан был еще в начале 1840-х годов, а новый, пристанционный Разбойный, только что начал заселяться. Старый хутор территориально захватывал часть современных Дальних Грушек и Ближние Грушки. Более конкретно: Рязановку (его исторический центр), Слепневку и Шершневку. Свое название он получил от того, что находился при урочище Разбойном, которое располагалось между двумя отвершками (боковой овражек, впадающий в главный овраг) Сажного Донца.

Хороший вид открывается на бывшее урочище, если смотреть на него с бугра, находящегося между Рапповым лесом и Дальними Грушками (Фомино). Два спадающих в одно русло лога образуют подобие большого «рогача», подпирающего склон урочища. Склон, в обрамлении отвершков, в древности поросший лесом, и являлся урочищем Разбойным. Протяженность его составляла порядка двух с половиной километров. Ныне это место начинается возвышением от Ближних Грушек и постепенно ниспадает почти до задворков районной больницы. Возникший при железнодорожной станции хутор автоматически воспринимал (в данном случае) название близлежащего урочища.

Существует мнение, что название ему дали переселившиеся жители старого хутора Разбойного. Это неверно, во-первых, потому что перво-поселенцами все же являлись выходцы из других мест. И, во-вторых, даже к 1902 году переселившихся, совокупно из старого Разбойного и Грушек, было всего 8 дворов, из 55 находившихся к тому времени в х. Александровском.

Примеры переноса старого названия на новое место поселения известны в Прохоровском районе, но они происходили только тогда, когда государство организованным порядком переселяло людей. Это, в частности, хутора: Бехтеевка, Свинопогореловка (Перелески), Псинский (Пригорки), деревня Малая Псинка (Суворово) и село Гусек-Погореловка.

В новый Разбойный организованного переселения не было. Здесь сложилась совсем другая ситуация. Аналогию для нашего случая можно провести с существованием во второй половине XIX века, между Зеленым курганом и селом Красным, двух хуторов Зеленых, различавшихся между собой номерами: первый и второй. 2-й Зеленый хутор получил свое название не потому, что его жители переселились из 1-го Зеленого. Основополагающим ориентиром послужил Зеленый курган. Так же, как для Разбойных хуторов, - урочище Разбойное.

К началу 80-х годов, из-за соседства хуторов-тезок, стали возникать разного рода документальные трудности. Чтобы их решать, к старому Разбойному все чаще стали прилагать эпитеты: Рязанов, Грушковский. На этом бы дело и закончилось. Новый хутор остался бы со старым названием, а старый получил бы новое. Но препятствием стало само название.

Историк и этнограф Л. Гумилев отмечал, что коренному жителю определенной местности никогда не придет в голову менять названия, которые он воспринял с детства. С легкостью это делают люди пришлые, что и наблюдалось в х. Разбойном-новом.

В первых числах июня 1887 года он стал официально именоваться Александровским. За старым хутором закреплялось название – Грушки, общее с хутором Фомино. С 1891 года, когда Николаевская церковь стала самостоятельным причтом (от Дмитриевской церкви с. Красного), Александровское получает статус села. В разряд рабочего поселка оно переведено было 20 июня 1968 года. В 1895 году предводитель уездного Корочанского дворянства граф В. Крейц перед уездным земским собранием ставил вопрос о присвоении Александровскому статуса поса-

да. Объяснял экономическую выгодность такого решения, но «земцы» не поддержали графа. Станция Прохоровка, находясь на границе уезда, была удалена от значительной части его территории на десятки верст. Жителям многих сел Корочанского уезда выгоднее было снарядить «зерновой обоз» в Белгород. Убеждая членов собрания, где большинство составляли дворяне, Крейц привел еще один аргумент, далекий от экономики. Оказывается, купцам и мещанам Александровского не нравилось, что местное самоуправление возглавляет простой сельский староста, избравшийся, как правило, из других прохоровских хуторов, где жили крестьяне.

Через 81 год с небольшим, 20 сентября 1968 года, название Александровский было упразднено и поселок стал называться Прохоровкой. Время все расставило по своим местам.

Содержание:

Из истории прохоровских деревень.	.4
Петровка, Васильевка или ...?: Из истории прохоровских деревень .	.5
Как образовалась Масловка: Из истории прохоровских деревень. .	.6
«Село Богородское Прохоровка тож»: К истории прохоровских деревень	.9
Как крестьянин Кабанков стал помещиком	.12
Кондровка и ее церкви	.16
Память Дикого поля	.18
Была ли в Прохоровке каменная церковь	.21
О хуторе Разбойном: Исторические истоки Прохоровки	.24
Дворянская история села: 1764 год – год основания Кондровки	.26
Возвращение к «Слову»	.30
Тайна кургана: Изыскания краеведа	.32
Прохоровский треугольник: История земли прохоровской	.34
Первый герой Прохоровского района	.37
Войсковые обыватели	.39
Край поля половецкого	.44
Тернистый путь от слободы до поселка	.49
Начало заселения района	.53
Во имя преподобного Серафима	.59
Продолжение заселения района	.61
Экономические крестьяне	.64
«Игорь мыслью поля мерит...»	.68
Хутора Белогорья или дорога в прошлое.	.70
Загадочное название реки Сейм	.76
Штрихи к истории Прохоровки	.79